

Мария Грипо

ДЕТИ 0-11

Тень
на каменной
скамейке

КНИЖКИ НА ВЫРОСТ
МОСКВА 0-11

Мария Гripe
Тень на каменной скамейке
Серия «Каролина», книга 1

OCR Библиотека Старого Чародея. Вычитка – Дарья
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152804
Гripe М. Тень на каменной скамейке: Повесть: ОГИ; М.; 2005
ISBN 5-94282-199-2

Оригинал: Maria Gripe, "Skuggan over stenbanken", 1982

Перевод:
Елена Серебро
Елена Ермалинская
Мария Хохлова
Ирина В. Матыцина

Аннотация

Имя Марии Гripe известно в Швеции не меньше, чем имя Астрид Линдгрен. Ее книги для детей и подростков – увлекательная смесь острого сюжета, тонкого психологизма и легкого налета мистики. Предлагаемая читателю книга – яркое тому подтверждение.

Швеция, начало прошлого века, в дом Берты, Роланда и Нади приходит новая горничная Каролина, которая сильно отличается от своих предшественниц. Она умна, обаятельна, весьма своенравна, и к тому же ее, несомненно, окружает некая тайна...

В повести известной шведской писательницы о сложных взаимоотношениях двух девочек-подростков удивительно гармонично сплелись почти детективный сюжет и топкая психологическая драма.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	17
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	24
ГЛАВА ПЯТАЯ	28
ГЛАВА ШЕСТАЯ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария ГРИПЕ

ТЕНЬ НА КАМЕННОЙ СКАМЕЙКЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Шел 1911 год.

Мне было тогда четырнадцать лет.

Бабушка, папина мама, прислала нам письмо из Экшё, в котором писала, что в понедельник, шестого ноября, как раз в день памяти короля Густава Адольфа ¹, приедет на поезде наша новая горничная. Она не хочет, чтобы ее встречали. По словам бабушки, она «девушка самостоятельная», и мама сказала, что это звучит обнадеживающе, потому что прежние горничные не могли сами и шагу ступить.

Моей маме, женщине добросердечной и доверчивой, самой не удавалось найти подходящую горничную. Бабушка была опытнее и лучше знала людей. Девушки, которых она рекомендовала, всегда оказывались безукоризненными.

Из прислуги в нашем доме обычно держали молоденькую горничную и экономку, женщину постарше. Именно с девушками-горничными обычно возникали трудности. Нам приходилось часто их менять.

В отличие от них экономка по имени Свея жила с нами уже много лет. Она любила повторять, что до того, как попасть к нам, она служила только в «хороших семьях», у людей «самых благородных» и нам не следует забывать, что иметь такую экономку – честь для любого дома. Ведь с такими прекрасными рекомендациями ей не пришлось бы долго унижаться и заискивать в поисках лучшего места.

С первых же дней Свея решила взять маму под свое крылышко и лишь ради нее до сих пор оставалась у нас. Мама казалась ей такой беспомощной, что она просто не могла оставить бедную женщину один на один с безжалостным миром.

Было очень важно, чтобы Свея ужилась с новой горничной. Пока она не одобрит девушку, в доме будет царить напряженность. Ведь стоит Свее бросить недовольный взгляд – и «новой» горничной уже никогда не стать нашей «старой» горничной.

Повзрослев, я поняла, что Свея обладала слишком большим влиянием в нашем доме. Мама считалась с ней во всем и слепо следовала ее советам.

Случись им повздорить, мама всегда первой шла на примирение. Свея – никогда. Мама не находила себе места, пока Свея не соизволит сменить гнев на милость. Иногда мне даже казалось, что мама доверяет Свее больше, чем папе и нам.

Свея говорила, что любит детей. В молодости она очень хотела иметь ребенка, но так и не вышла замуж, а теперь время ее уже прошло.

Она, конечно, по-своему любила нас, хотя всегда была с нами очень сдержанна и никогда нас не баловала. Таков уж был ее характер. К тому же она полагала, что нельзя слишком привязываться к детям в доме, в котором служишь. Иначе будет тяжело расставаться, когда придется сменить место работы.

Мы, дети, считали Свею строгой и даже немножко боялись ее. Возможно, она внушала маме чувство уверенности, но нам – нет. Какова была ее роль в наших отношениях с мамой, это тайна, покрытая мраком. Может, это и несправедливо, но иногда мне казалось, что Свея

¹ Густав II Адольф – шведский король, полководец и государственный деятель, погибший во время Тридцатилетней войны (1618 – 1648). В день его памяти шведы подают к чаю пирожное с шоколадным профилем короля. – Здесь и далее примеч. пер.

нарочно плетет интриги, чтобы только все сделать по-своему. Особенно когда дело касалось папы. Потому что ее отношение к мужчинам можно назвать по меньшей мере двойственным.

Свея, например, считала, что мужчина должен быть хозяином в доме, но при этом ему следует держаться скромно. Ей никогда не приходило в голову, что советы, которые она давала маме, противоречат друг другу. С одной стороны, нужно настаивать на своем и не уступать, а с другой – «повиноваться своему мужу», как сказано в Библии. Наверное, маме было нелегко следовать ее наставлениям.

Но и нам, детям, Свея не делала поблажек. Мы должны были, как она говорила, «почитать и слушаться» взрослых, потому что взрослым, по ее мнению, всегда лучше знать. Но о том, что одни взрослые требуют одно, а другие – другое, Свея не задумывалась. А мы нередко просто в толк взять не могли, кого же нам «почитать и слушаться».

Нашу новую горничную мы ждали в понедельник, шестого ноября.

Днем раньше, в воскресенье, в День всех Святых, мы отправились на кладбище, чтобы зажечь свечку на могиле нашего маленького братика. Вообще-то он был самым старшим из нас, и если бы брат был жив, ему исполнилось бы сейчас шестнадцать, но он умер еще младенцем, и никто из нас не мог помнить его.

Звали брата Яльмар. Никто толком не знал, отчего он умер. Рассказывали, будто он сделался вдруг какой-то вялый, перестал дышать и умер. Это было очень странно. Говорили, что в нем погас огонек жизни.

Но что же такое этот «огонек жизни» и откуда он появляется? Кто зажигает его в нас и не дает ему угаснуть всю нашу жизнь? Вот о чем я думала тогда, глядя на свечу, зажженную над маленьким холмиком.

Рядом со мной стояли мама, мой брат Роланд и наша младшая сестра Надя. Папы с нами не было.

Затвердевшая от мороза земля хрустела под ногами. Дул пронизывающий ветер, мы дрожали в наших пальто, а пламя свечки беспокойно трепетало над могилой. Пора было уходить.

Когда мы вернулись, в доме было темно. Свея еще не зажигала света. Она поспешила к нам, похоже, спросонья, с подсвечником в руке. Мама попросила ее зажечь лампы и растопить камин в столовой, а затем подать горячий шоколад.

Луна, только что выглянувшая из-за тучки, светила прямо нам в окно. Мне не хотелось, чтобы Свея зажигала все лампы. Но мама любила, когда в доме много света. Луна, голубая и холодная, пугала ее, особенно в это время года. Мама говорила, что в доме свет должен быть красноватым и теплым. «Вот будет хорошо в следующем году, когда мы проведем электричество!» – сказала мама, снимая с Нади ботики. Эти слова она повторяла почти каждый день и тут же добавляла со вздохом: «Если только получится...»

А все из-за папы, который считал, что электричество – это не забава. Следует помнить, говорил он, что человек впускает в свой дом чужеродную силу, которая может оказаться небезопасной. Нужно еще и еще раз подумать, прежде чем пойти на такой шаг. Не стоит, как мама, бездумно решаться на такое лишь потому, что так делают все соседи. Папа каждый раз обещал серьезно подумать о проведении электричества, но не раньше чем на будущий год. Мама опасалась, что это только очередная отсрочка – ведь стоит папе узнать что-нибудь плохое об электричестве, он тут же с торжествующим видом объявляет нам об этом.

«Но на этот раз я ему не уступлю!» – говорила мама Свее. Она знала, что Свея поддержит ее. Свея не слишком увлекалась нововведениями, но в «электричество» верила свято. И вполне одобряла: «И правильно, стойте на своем, хозяйка!»

Как ни удивительно, но немудреные слова Свеи вселяли в маму необыкновенную уверенность. Когда Свея соглашалась с ее мнением, мама чувствовала себя такой окрыленной, будто для нее в мире нет ничего невозможного. Свея умела говорить столь убедительно,

что любой ее собеседник, если только он думал иначе, начинал сомневаться в собственном здравомыслии.

Но вернемся к тому воскресному вечеру.

Папы не было дома. Он уехал в деревню, чтобы поразмышлять на досуге. Он всегда очень дорожил своим свободным временем, ему необходимо побыть одному, чтобы наконец закончить свою книгу, говорил он. Папа писал об Эмануэле Сведенборге, который жил в восемнадцатом веке и был великим мыслителем, совсем как папа. Сведенборг размышлял о серьезных вещах, таких, как душа человека, жизнь и природа, – словом, обо всем, о чем трудно что-либо сказать толком. Поэтому папа был вечно занят подобными мыслями, а мама недолюбливала Эмануэля Сведенборга. И Свее тоже. Ведь именно у него папа начитался всех этих странных идей. Насчет электричества, к примеру. Вряд ли люди в восемнадцатом веке пользовались электричеством, но мама и Свее все равно были против Сведенборга. «Если верить хозяину, в мире нет ничего, о чем не написал бы этот Сведенборг, – говорила Свее. – Не удивлюсь, если он думал, что электричество – от нечистого. Стойте на своем, хозяйка! Хозяин парит в облаках, а нам, простым смертным, приходится заботиться о хлебе насущном».

У мамы и папы на многое в жизни были разные взгляды. Вот у папы не получалось размышлять дома, посреди всей этой суеты. Поэтому он, как только мог, уезжал в деревню. И почти всегда по воскресеньям.

Однако сегодня он должен был бы остаться дома и пойти с нами на кладбище. Но папа переживал смерть нашего маленького братика так тяжело и всегда становился у его могилы таким печальным и задумчивым, что мама сама попросила его поехать в деревню в надежде на то, что зато летом он проведет больше времени с семьей.

Итак, папы, как обычно, не было с нами. Его шуба осталась висеть в прихожей, и мама, посмотрев на нее, озабоченно покачала головой: «Неужели папа опять уехал в своем тонком пальто? Только бы он не простудился...»

Тут Надя, наша младшая сестра, которой было всего восемь лет, подбежала и уткнулась носом в папину медвежью шубу. Затем вскарабкалась на галошницу и спряталась в шубе с головой. Казалось, в мягком меху папиной шубы она чувствовала себя уютнее, чем на руках у папы. Мы остались в прихожей одни, Надя и я. Я заметила, что она подглядывает за мной из шубы.

– Пойдем, нам дадут горячего шоколаду! – сказала я, собираясь уходить, но Надя идти не хотела.

– Нет, я останусь здесь. Ты иди! Я греюсь...

Глазок, смотревший на меня сквозь дырочку, исчез в складках шубы. Она была еще маленькая, самая младшая, и хотела, чтобы папа был только ее папа.

Когда я вошла в столовую, мама задергивала гардины, а Свее растапливала камин. Вдруг зазвенел колокольчик у входной двери: три коротких звонка. Мама вздрогнула и отпустила гардину. Кто бы это мог быть? Так поздно, в воскресенье?

Свее уже шла открывать. Вдруг это папа забыл ключ?

Нет, не может быть. Мама прислушалась. Он вернулся бы раньше. Мы услышали, как Свее пробормотала что-то у входной двери. Затем вернулась в столовую и с возмущенным видом спросила:

– В дверь звонили?

– Да, конечно, но...

– Но там никого нет!

В ту же минуту мы услышали в саду странный свист, и Свее метнула в окно злой взгляд.

– Успокойся, Свее, – сказала мама, – это наверняка какой-нибудь приятель Роланда...

Свист послышался снова, громче, чем в первый раз. Мы с Роландом выбежали на застекленную веранду и стали всматриваться в сад, залитый лунным светом. Но мы никого там не увидели. Между деревьями, отбрасывавшими черные тени, лился ровный голубоватый свет. Луна была необыкновенно яркая, полная.

Тот же самый свист раздался в третий раз. Нет, на озорство это не похоже. Звук был мягкий, как у флейты, немного печальный и странный для этого времени года. Так могла бы свистеть какая-нибудь птица. «Вон там кто-то есть! Я видел, там кто-то шевельнулся!» – Роланд пристально вглядывался в глубь сада, я посмотрела туда же. Кто-то стоял посреди лужайки и рассматривал наш дом. Девушка? Или молодой человек? Осанка была такой мужественной, что я засомневалась. Но это была девушка. На земле рядом с ней стояли чемодан и мешок.

Роланд постучал по окну веранды. Она повернула голову, взглянула на нас, подняла свои вещи и, медленно подойдя к дому, остановилась у веранды. Она смотрела на нас, но мы не могли ее разглядеть. Лицо было в тени.

Роланд схватил со стола керосиновую лампу с белым колпаком, подкрутил фитиль и направил свет сквозь окно на незнакомку. Она тут же отступила в тень. Роланд приподнял лампу, свет упал на девушку, и мы наконец-то увидели ее. Мы замерли, уставившись на нее, а она – на нас.

Какое же удивительное было у нее лицо!.. Проживи я еще тысячу лет, ни за что не забуду ее лицо, каким в первый раз увидела его там, в саду, когда еще совсем ничего о ней не знала.

Выражение этого лица менялось потом на моих глазах много раз. Это было удивительно подвижное и изменчивое лицо.

И вот я теперь думаю, как же мне описать ее. И не могу ничего придумать. Если стану говорить об отдельных чертах лица, получится неинтересно. Лицо у нее было круглое, как у ребенка, с маленьким острым подбородком, придававшим ему форму сердечка. Рот маленький, уверенный, нос чуть вздернутый. Но все это только слова, которые ничего не могут передать.

Я не знаю, можно ли назвать ее красивой. Ничего необычного в лице этой девушки не было. Кроме глаз, казалось, полных тайны. Это были удивительные глаза. Живые и открытые. Но в то же время взгляд был настороженный, словно у любопытного зверька, готового в любой момент улизнуть. А может, это был взгляд ребенка, ясный, сосредоточенный, но без детской доверчивости.

Нет, лучше и не пытаться описать ее. Слова слишком пусты. Она просто ни на кого не похожа. В ней было то, что обычно называют очарованием. Вот и все, что я могу сказать.

Долго ли мы стояли вот так, друг против друга, я не знаю. Мы не чувствовали времени, и если бы вдруг оно остановилось вовсе, никто бы из нас даже не заметил. Такое случается лишь раз в жизни, и разрушить эти чары ты не в силах.

Но тебе и не нужно стараться. Это охотно сделают другие. В тот раз вмешалась Свеза. Неожиданно вынырнув из-за угла с большим фонарем в руке, она шагнула прямо к незнакомке и направила фонарь ей в лицо. Яркий свет ослепил девушку, которая не могла видеть Свезу и только слышала ее злобный голос:

– Так вот кто нарушает покой и пугает честных людей!

Мы с Роландом хотели выбежать с веранды в сад. Он проскользнул, а меня задержала мама:

– Остайся здесь! Свеза все сделает сама!

Испуганная Надя держалась за мамину юбку. Она боялась темноты и верила, что там полно оборотней.

Прошло несколько минут. Затем вернулась Свеза со своим фонарем, с грохотом поставила его перед собой и погасила. Видно было, что она еле сдерживается от возмущения.

– Ну, в чем же дело? – спросила мама, но ответа не получила. Свея демонстративно молчала.

Входная дверь была все еще открыта, и по ступенькам поднимался Роланд с чемоданом. Сразу вслед за ним показалась незнакомая девушка с мешком.

Свея сделала красноречивый жест в ее сторону и объявила, даже не удостоив незнакомку взглядом:

– Вот и прибыла новая горничная! Можете позаботиться о ней, хозяйка.

И Свея вышла из комнаты, мимоходом бросив на маму такой взгляд, который ясно говорил, что ответственность за все лежит на маме, Свея же умывает руки. Мама испуганно посмотрела ей вслед. И вдруг девушка разразилась торжествующим хохотом:

– Но, добрые люди, не такая уж я страшная!

Роланд хихикнул в ответ, а мама смущенно перевела взгляд с двери, только что закрывшейся за Свеей, на девушку, которая начала невозмутимо расстегивать пальто, будто ничего не произошло. Мама откашлялась и робко проговорила:

– Так ты, стало быть, Каролина?

– Да, Каролина Якобссон.

Она протянула маме руку, и та с бледной улыбкой пожала ее:

– Добро пожаловать...

– Спасибо.

Каролина отпустила мамину руку и по очереди поздоровалась с нами.

Завершив знакомство, она по-хозяйски обошла прихожую и взяла плечики для пальто.

– Могу я повесить это здесь? – спросила она, уже пристроив свое пальто рядом с папиной шубой.

– Да, наверное, – тихо ответила мама. Она явно растерялась.

Каролина бросила шапочку на полку для шляп и села расшнуровывать ботинки, а мы уставились на нее. Мы всегда думали, что горничная – это застенчивое существо, которое старается держаться как можно незаметнее и никогда первой не откроет рта, если к ней не обращаются. Поэтому сейчас мы просто не верили собственным глазам.

Мама, которая вечно жаловалась на то, что горничных приходится водить за ручку, тоже онемела. Видимо, на этот раз от таких трудностей мы избавлены. Новенькая уже взяла дом в свои руки и будет дальше вести себя так же смело, как при первом знакомстве.

Мама нервно потирала руки.

– Но мы ждали тебя только завтра утром.

– Конечно. Но я подумала, что будет лучше приехать накануне вечером. Тогда я смогу приняться за работу с раннего утра, не теряя даром времени.

Что возразишь?

Мама озадаченно взглянула на Каролину: на ногах у нее были грубые носки из козьей шерсти.

Свои ботинки она поставила рядом с нашими в галошницу.

Каролина почувствовала мамин взгляд и услужливо спросила:

– Не угодно ли вам, хозяйка, чтобы я переставила ботинки в другое место?

Мама сначала покачала головой, но вдруг спохватилась: что об этом скажет Свея?

– Нет... Да, конечно. Свея держит свою одежду у себя.

– Хорошо. Скажите только где. Я повешу там, где полагается. – Каролина с готовностью улыбнулась, быстро собрала верхнюю одежду и взяла мешок. – А где я буду жить? – Она кивнула Роланду. – Ты поможешь мне с чемоданом, да?

Роланд тут же наклонился и подхватил чемодан, а я не успела заметить, как у меня в руках оказались ботинки.

– Ты понесешь вот это! А то у меня руки заняты, – сказала Каролина.

– А я? Я тоже хочу! – закричала прибежавшая Надя, и Каролина тут же протянула ей свое пальто. Но Надя хотела нести мешок. – Я смогу, я сильная. Так папа сказал.

Каролина огляделась. В прихожую выходили по меньшей мере четыре двустворчатые двери. Все они были закрыты.

– Да, а где же хозяин? Я ведь должна поздороваться с ним тоже. – Она переводила взгляд с одной двери на другую и, выбрав ту, которая действительно вела в папин кабинет, спросила: – Он, должно быть, там?

– Нет, дело в том, что моего мужа сейчас нет дома.

– Вот как, – сказала Каролина и направилась к двери, в которую вышла Своя. – Наверное, моя комната там? Или я ошибаюсь, хозяйка?

– Комната прислуги на чердаке...

Но Каролина уже открыла дверь, за которой стояла Своя, пунцовая от гнева. Она, конечно, подслушивала и теперь получила дверью по лбу.

– Ах, простите! – рассмеялась Каролина. – Я не нарочно. Не думала, что тут кто-то есть.

Своя тупо уставилась на нее. Затем перевела взгляд на нас. Но чем мы могли ей помочь? Я стояла с ботинками Каролины в руках, Роланд – с ее чемоданом, а Надя волочила мешок.

Сама Каролина стояла в пальто, наброшенном на одно плечо, а в руке у нее были только шапочка и рукавицы. Своя гневно посмотрела на маму:

– Могу я поговорить с вами, хозяйка? – Ее лицо выражало крайнее недовольство. – Сейчас же!

– Конечно, Своя, конечно, – ответила мама и направилась к ней.

– Нет, мы пойдем туда! – Своя зашагала в столовую, и мама послушно засеменила следом. Они закрыли за собой дверь, оставив нас одних.

Мы стояли в прихожей. Лестница на второй этаж вела в жилые комнаты. Здесь, внизу, был камин, в котором тлели угли. Каролина бросила пальто на стул, подошла к камину и, взяв кочергу, пошевелила угли.

– Тут хорошо печь яблоки, – сказала она. Надя выпустила из рук мешок и подбежала к ней:

– У нас есть яблоки на чердаке. Я могу принести! Мы с Роландом переглянулись. Мы слишком хорошо знали, что будет дальше. Каролину выгонят. Своя ни за что не одобрит ее. Сейчас она изо всех сил науськивает маму, чтобы та избавилась от Каролины как можно быстрее. Это было несложно угадать. Роланд вздохнул:

– Если бы мы могли что-нибудь сделать...

Но что мы можем? Никто не спрашивал у нас, что мы думаем о Каролине.

– Как жаль, – прошептала я.

– Да, ведь она такая веселая. Я так хочу, чтобы она осталась.

Я тоже очень этого хотела.

Я смотрела на Каролину, которая сидела у камина и шепотом говорила Наде, какие картинки она видит в тлеющих углях. Как будто рассказывала сказку. И я подумала: может, это и к лучшему, если Каролина не останется у нас. Все будет не так, как она думает. Не будет никаких печеных яблок. И никаких сказок. Вместо этого ее быстро отправят на кухню помогать Свое. И тогда она с сожалением поймет, что она совсем не гостя в этом доме, а всего лишь наша новая горничная.

Своя считала, что нет более смешного и нелепого человека, чем тот, кто не знает своего места. И неважно, были ли это господа, которые старались держаться запанибрата со слугами, или прислуга, задирающая нос, – все одинаково плохо. Для такого поведения просто нет слов. Это стыд и срам!

Бабушка писала, что Каролина впервые нанимается горничной, поэтому, наверное, не знает, что входит в ее обязанности.

Бедная мама, ей ведь придется объясняться с бабушкой. Как это будет выглядеть, если она уволит девушку, которую ей рекомендовала свекровь, не дав ей проработать и дня? Это так просто не пройдет. Мамино положение было не из легких.

С мамой частенько так случалось. Она попадала впросак, как бы ни поступила. Вот и сейчас ей приходилось выбирать: поссориться или со Свеей, или с бабушкой. Едва ли когда у нее было свое собственное мнение. Так повторялось без конца. Окруженная властными людьми, она все время была вынуждена разрываться, следуя их противоречивым указаниям. Маме всегда не хватало мужества, чтобы настоять на том, чего хотела сама. Если только она знала, чего хочет.

Между тем Надя и Каролина играли у камина. Роланд тоже был с ними. Каролина расшалилась вовсю. Ее толстые каштановые косы летали то в одну, то в другую сторону. Я не слышала ее слов, она говорила шепотом, но, видимо, что-то очень интересное. Даже смотреть на нее было одно удовольствие. Лицо Роланда светилось от восторга.

Вдруг открылась дверь и вошла мама. Она шла, опустив глаза и нервно потирая руки. Она проиграла Свее, это было видно сразу.

Сама Свеея не показывалась. Но ее выдавала тень у приоткрытой двери.

Тишина стояла такая, что можно было бы услышать, если бы упала иголка. Каролина замолкла на полуслове.

Мама остановилась посреди прихожей и медлила, не зная, как начать... Тень за дверью нетерпеливо шевельнулась. Мама посмотрела туда и, собравшись с духом, решила выложить все сразу.

И тут случилось нечто неожиданное. Каролина поспешно собрала свои пожитки и тихо подошла к двери, за которой притаилась тень.

– Я сейчас же уйду, – сказала она. – Я понимаю, что, наверное, не подхожу вам. Но вначале хочу попросить прощения за то, что вела себя по-глупому. Я объясню вам, как все было. Я вовсе не хотела никого дразнить. Позвонив в дверь, я подумала, что сначала посмотрю, кто мне откроет, а потом покажусь.

Каролина на мгновение замолчала, повернулась к нам и сказала, что сама удивилась своей выходке. Но ее охватила такая неуверенность, она подумала, что если вдруг увидит здесь кого-то, кто ей неприятен, то лучше убежит. Ведь она приехала днем раньше, и никто не будет знать, что это была она. Но когда Свеея открыла дверь, нерешительность и желание убежать исчезли. Каролина хотела выйти и показаться, но не успела, дверь уже захлопнули.

Тогда ей пришла мысль посвистеть, как птичка пеночка. Это была, конечно, тоже дурацкая идея, но она подумала, что позвонить снова неудобно. А ей нравилось подражать песне пеночки. Может, услышав птичий свист в это время года, мы удивимся и выйдем. В этом ее план почти удался.

– Но теперь я понимаю, что это было глупо и нелепо, – сказала Каролина, снова повернувшись к Свее. – Не буду больше вас задерживать, тотчас же уйду. Прощайте, Свеея, и простите меня! Прощайте все!

Она сделала книксен сначала Свее, затем маме и собралась уходить.

Лицо Свееи было суровым. Она выслушала все с бесстрастным, каменным видом. Затем сделала красноречивый жест и обратилась к маме:

– Могу я еще раз поговорить с вами? Подойдите, пожалуйста, сюда.

ГЛАВА ВТОРАЯ

И вот Каролина стала нашей новой горничной.

Свея решила проявить великодушие и сказала маме, что готова простить Каролине ее детскую выходку. Тем более что та извинилась.

Когда нам сообщили эту новость, Надя пришла в восторг, а Роланд покраснел. У меня в душе смешались радость и беспокойство.

Беспокойство за то, что Свея и Каролина еще покажут себя, я предчувствовала это. И Бог весть, долго ли новая горничная продержится у нас.

Но поначалу все шло вроде бы хорошо. Каролина легко приспособилась к своим обязанностям. Первые дни она вела себя очень тихо и делала все, что ей говорили. Свея выглядела довольной.

Удивительно, но только я одна не могла поверить в то, что Каролина всегда будет такой кроткой овечкой. Это казалось очень странным и так не совпадало с моим первым впечатлением о ней. Наверное, поэтому, когда в первый раз увидела Каролину, одетую в форму горничной – синее платье, белый передник, с наколкой в волосах, – я вздрогнула от неожиданности.

Я спросила у мамы, почему бы нам не разрешить Каролине носить свое платье. Но ведь мы должны обеспечить ее рабочей одеждой. Ей не следует изнашивать свою. И к тому же прислугу в доме полагается одевать в одинаковую форму.

– А как же иначе? – спросила мама, широко раскрыв глаза.

Иначе было бы гораздо лучше, подумала я, но промолчала. Разве мама понимает? Но Каролина, похоже, не слишком задумывалась о том, что на ней было надето. Вскоре и я перестала об этом думать. Ее обаяние было настолько сильным, что его не могла испортить такая мелочь. В общем-то, униформа лишь подчеркивала в наших глазах ее необыкновенную привлекательность, придавала ей некую изюминку.

Ведь никто из нас никогда не встречал такой, как Каролина. И при этом нас не покидало чувство, что мы знали ее всегда.

Она появилась так вовремя. Нам ее действительно не хватало. С ее приходом каждый день в нашем доме стал маленьким праздником.

Нас этим не баловали.

Наш дом был большим и довольно унылым. Гости у нас почти не бывали. Папа встречался со своими приятелями вне дома, а мама, как она сама говорила, не нуждалась ни в каком обществе. У нее было несколько друзей юности, с которыми она переписывалась, и кое-какие знакомые в городе – они встречались ей то тут, то там, когда мы выходили гулять. Но домой она никого не приглашала. Нас, детей, ей как будто было достаточно. Мы стали для нее всем, говорила она. Она считала, что главная ее цель – быть всегда рядом, всегда в семье.

Когда я была маленькой, это казалось мне чем-то само собой разумеющимся, но, повзрослев, я стала жалеть маму. Она становилась все более и более одинокой. Потому-то Свея и играла для нее такую большую роль.

Конечно, у нее был папа, который тоже любил ее. Но он всегда был занят своими делами и дома обычно бывал немного рассеянным. Откровенно говоря, я думаю, что мамин и наш «маленький мирок» был ему не очень интересен. И он уединялся в своем.

Свея же, напротив, интересовалась только маминым миром, куда, конечно, входили и мы, дети, но мама была для нее важнее.

Вообще-то говоря, папа мечтал посвятить себя научным изысканиям и раскрыть в них свой талант. Но вместо этого вынужден был тратить время на «этих глупых школьников». И

к тому же преподавать им историю и священную историю. Как раз те предметы, к которым сам питал страстный интерес. Думаю, это было для него мучением.

Тогда-то и появился Сведенборг.

А у мамы, как я уже говорила, была Свея, которая в знании жизни ничуть не уступала Сведенборгу.

Поскольку у мамы с папой никогда не бывало гостей, то и мы не решались приводить домой приятелей. Родители считали, что нам вполне хватает друг друга. Конечно, это было так, но все же мы частенько скучали.

Поэтому Каролина стала для нас глотком свежего воздуха.

Постепенно выяснилось, что я была все же права. Каролина оказалась далеко не такой послушной, как всем представлялось поначалу. Прошло немного времени, и она стала проявлять свое истинное «я». Ну и шум поднимался тогда у нас дома! Особенно когда Свея начинала объяснять Каролине, каких взглядов следует придерживаться, – это был ее конек. Было очень интересно послушать.

Например, как-то она завела речь о всеобщем избирательном праве и о том, что допустить женщин в политику и дать им право голоса – вздорная и опасная идея. Чистое безумие, по мнению Свеи.

Высказавшись, Свея уставилась на Каролину, ожидая, что та с ней согласится. Но Каролина стала возражать, и Свея чуть не задохнулась. Как она посмела, эта девчонка?!

И принялась за старую проповедь: всяк сверчок знай свой шесток. Ведь идея всеобщего права голоса, как и всего мирового зла, коренится в том, что люди не хотят знать свое место. А это – признак распущенности.

Единственный, кто может разрушить барьеры между людьми, – это король. Ну и Господь Бог, конечно. Пред лицом владыки – земного или небесного – все люди равны, а друг перед другом они должны соблюдать установленный порядок и подразделяться на хозяев и слуг. Так считала Свея.

– Фу! Такие барьеры между людьми мне совсем не нравятся! – отрезала Каролина. Свея, едва не поперхнувшись от негодования, снова продолжила свою речь.

Надо сказать, что, в отличие от нас, Каролина всегда, прежде чем ответить, выслушивала Свею до конца. Она никогда ее не перебивала и учтиво позволяла высказаться. Поэтому Свее казалось, что Каролина соглашается с ней, и вдруг выяснялось, что Каролина совсем другого мнения. Прямо противоположного! Для Свеи это каждый раз было потрясением. Как, например, с правом голоса.

В ответ Каролина сказала, что не понимает, как Свея, которой никак нельзя отказать в здравом смысле, может быть такой недалекой. Ведь если мужчины имеют право голоса, то, само собой разумеется, и женщины должны его иметь. В обществе должно соблюдаться равновесие. И если женщины воспитывают детей, то не значит же это, что они не должны заниматься ничем другим. Что же тогда в конце концов станет с детьми?

– Ну-ну! Значит, все должны лезть не в свое дело и задирать нос? Так, по-твоему, Каролина?

Задирать нос? По мнению Свеи, люди, которые стремятся уничтожить несправедливость, задирают нос? Каролина помрачнела.

– Этого я не говорила. Я имею в виду только тех дамочек, которые думают, что знают все лучше всех.

– Но разве иногда это не так?

– Нет!

– Значит, вы, Свея, полагаете, что только мужчины умные?

– Этого я не говорила. Я не имею в виду мужчин или женщин. Знаю только, что мне не нужно никакого права голоса, чтобы понимать, что правильно, и делать свое дело!

Каролина приподняла бровь и загадочно улыбнулась:

– Вот как? Значит, это вы, Свея, самая умная? Да, пожалуй. Но в таком случае жаль, что вы с вашим талантом не пошли в политику.

Свея чуть не ахнула. Она не могла понять, что происходит. Девчонка издевается над ней? Не похоже. Вот она с совершенно невинным видом начищает ножи. Но ведь минуту назад она так двусмысленно приподняла бровь! Тогда у нее сделался такой высокомерный и надменный вид, что... Нет, не поймешь ее, эту девчонку. Не стоит даже и разговаривать с ней. Состроив важную мину, Свея смолчала. Но только на этот раз! Она еще покажет этой бесстыднице, кто умнее!

Иногда мама вступалась за Свею. Но ее мнение было всегда одним и тем же. Женщины должны радоваться, что не занимаются политикой и всем таким прочим. На то есть политики. Зачем нам вмешиваться в их дела? Ведь они образованные люди, и все такое. Обычные люди в этом ничего не понимают. А уж женщинам особенно следует держаться подальше от этих споров и криков. Это ужасно неженственно!

В устах мамы слово «неженственный» означало то же, что «дурной», и когда она так говорила, то считала, что положила спору конец.

Но для Каролины сокрушить такой довод было проще простого. Поэтому, когда мама вмешалась, чтобы прекратить спор, она услышала, что такие слова, как «неженственный» или «немужественный», по сути ничего не означают. Что это такое?

Прежде всего глупость. Опасное заблуждение.

Вот что означает слово «бесчеловечный», понять можно. Оно имеет много разных значений. Например, обвинять друг друга в неженственности или немужественности – это бесчеловечно.

– Вы слышите, хозяйка? С ней и говорить-то без толку. Она все вывернет шиворот-навыворот! – И от возмущения Свея так треснула деревянной ложкой по столу, что она раскололась пополам.

А Каролина вовсе и не думала никого обидеть. Просто ей хотелось разобраться в том, о чем шел разговор. Это касалось и ее собственных суждений. Она часто готова была взять свои слова обратно и изменить свое мнение. И при этом никогда не огорчалась, если кто-то другой оказывался прав. Напротив, всегда радовалась. Ведь она узнавала что-то новое для себя, а она была очень любознательна. Все ей надо было понять и исследовать.

Но, конечно, иногда она не понимала и начинала спорить.

Поэтому мы со страхом ждали, что в один прекрасный день Свея и Каролина рассорятся так, что Каролине придется от нас уйти.

Единственным, с кем Каролина никогда не спорила, был папа. Я удивлялась. Это никак не сочеталось с ее стремлением к полной искренности. Папу она избегала. Это было особенно странно, потому что он держался с ней очень приветливо. Словно даже уважал ее. Раньше папа не обращал особого внимания на горничных в нашем доме, но Каролину заметил сразу и сказал, что она необычайно одаренная девушка.

Это действительно было так. Несмотря на то, что Каролина окончила всего несколько классов народной школы, она знала больше, чем мы с Роландом вместе взятые. Она все время что-то читала, и папа даже разрешил ей брать с наших книжных полок все, что ей нравится.

Папа не давал Каролине никакого повода относиться к себе так настороженно. Я не знаю, замечал ли он это, но, по крайней мере, виду не подавал.

Нельзя сказать, что Каролина держалась с ним недружелюбно. Скорее, безразлично. Будь на ее месте кто-нибудь другой, никто бы даже не заметил этого. Но безразличие совсем не шло ей, и я не могла не удивляться ее поведению. Может, она стеснялась? Или скрывала больше, чем мне казалось?

Я уже говорила, что у Каролины было необыкновенно изменчивое лицо.

В первый миг оно поразило меня, но потом я была так ослеплена ею, что больше об этом не думала. Я не замечала в ней ничего странного. Вначале она была веселой и жила в ладу с самой собой, и ее настроение передавалось нам всем.

Но когда я думаю о ней теперь, у меня возникает много вопросов. Каролина совершенно ничего не рассказывала о себе. Нам хотелось разузнать побольше о ней самой, о ее родителях, о том, есть ли у нее братья-сестры, да и вообще о том, как она жила раньше, но нам это не удавалось. Каролина увивалась от ответа или отшучивалась.

Мы знали, что она выросла в деревне – так написала в письме бабушка. Каролина только сказала, что не прочь пожить в городе, хотя в деревне ей тоже нравится. Вот так она отвечала. Стоило нам что-нибудь спросить о ее прежней жизни, как она начинала уходить от ответа.

О чем бы ни рассказывала, она не называла ни одного имени, ни одного адреса. Она была девушкой без прошлого. И ее это явно устраивало.

Я, например, думала, что она не знает никого в нашем городе, но, как оказалось, я ошибалась.

Прежние горничные всегда привозили с собой фотографии и выставляли их в ряд на комод в своей комнате. У Каролины ничего не было. Комод пустовал. Если она и привезла фотографии, то, во всяком случае, их не вынимала. У нее также не было никаких вещей, которые могли бы рассказать о ней. Только одежда и туалетные принадлежности.

Впрочем, однажды я увидела у нее на подушке маленького игрушечного кролика, весьма потрепанного, но едва я вошла в комнату, она тут же его спрятала. Не потому, что боялась насмешек, а просто чтобы избежать расспросов.

Все же в ней была какая-то странность. Неужели только я одна замечала это? Ведь то, что она избегает папу, должны были заметить все. Но, наверное, только я удивлялась этому.

Мне особенно запомнился один случай, происшедший вскоре после того, как Каролина пришла к нам. В тот вечер в городе должно было состояться факельное шествие в честь Дня короля Густава Адольфа, который погиб в 1632 году при Лютцене, и бургомистр готовился произнести речь на площади. Мы с мамой и папой собирались туда идти. Свея и Каролина получили выходной, чтобы они тоже смогли пойти. Свея горела энтузиазмом. Она обожала Густава Адольфа. Великий праздник! Поспешно собираясь, Свея спросила Каролину, хочет ли она пойти с ней. Но Каролина поблагодарила и отказалась.

Свея слегка оторопела. Сама она так ждала этого дня – увидеть торжественное шествие с факелами, услышать возвышенную речь, пропеть вместе со всеми «Господь наш – могучая крепость!» А потом отправиться в кондитерскую Линда и съесть пирожное «Густав Адольф» с его шоколадным профилем. Все это Свея расписала Каролине.

Но та снова отказалась идти. Свея не на шутку разволновалась. Она была вне себя. Как можно пропустить такой праздник?!

Мимо как раз проходил папа, и Свея, указав пальцем на Каролину, произнесла с дрожью в голосе:

– Бедняжка... она останется дома? Она не пойдет с нами чествовать нашего короля-героя?!

Я не помню, что ответил папа.

Но каково же было мое удивление, когда я все же увидела Каролину в толпе на площади! Ее заметила только я и никому не сказала. Скорее всего, она не хотела, чтобы ее видели. Мне показалось, что с ней кто-то был, но я не уверена. Площадь кишела людьми, и понять, кто с кем, было невозможно.

Однако я заметила, что папу Каролина видела, он стоял чуть в стороне от нас, чтобы лучше слышать. Она все время пристально смотрела на него. Не знаю, видела ли она нас, но

за папой следила странным изучающим взглядом. Мне даже показалось, что в ее глазах было что-то осуждающее, но, может, я и ошибалась. Позже мне подумалось, что беспокойный свет факелов мог изменить выражение ее лица.

Ведь тогда она еще только-только приехала и видела папу всего пару раз. Возможно, она воспользовалась случаем изучить его. Помню, что тогда меня на миг охватило какое-то неприятное волнение, причину которого я не могла понять.

Потом я стала замечать, что Каролина часто тайком наблюдает за папой. Как будто спрашивая себя, что он за человек. Иногда папа чувствовал это и начинал удивленно оглядываться. Тогда Каролина тут же исчезала.

Меня поражало и то, что папа, который мог столкнуться с тобой нос к носу и не заметить, всегда ощущал присутствие Каролины. Если вдруг небо обрушится на землю, папа так и будет сидеть погруженный в свои книги и даже не пошевелит пальцем. Но стоило Каролине бесшумно пройти в соседнюю комнату, он поднимал голову и задумчиво провожал ее взглядом. Так сильно было ее обаяние. Даже папа не мог его не заметить.

Должна признаться, что иногда меня слегка мучила ревность. Когда теперь, годы спустя, я думаю о своем отце, в памяти встает образ человека с очень красивым, тонким и живым лицом, на которое я смотрю откуда-то издали снизу вверх, человека, который удивляет и волнует меня и которого мне так хотелось бы разгадать.

Каролине было шестнадцать, когда она пришла к нам; она была на целых два года старше меня и почти на год старше Роланда. Не знаю, как я сама держалась с ней, но за Роландом часто замечала, что в ее присутствии он начинал вести себя по-детски. Наверное, сам он этого не чувствовал, но со стороны нельзя было не видеть, что он нарочно дурачился, чтобы привлечь ее внимание. Я никогда не видела своего брата таким. Вероятно, он хотел произвести на Каролину впечатление, но ему это плохо удавалось.

Надя заметно повеселела. Каролина умела прекрасно обходиться с детьми, и Надя, преданная ей с первых же минут, ходила за ней хвостом, как собачка. Если бы Каролине пришлось уйти, для Нади это было бы страшное горе. Иногда я действительно думала, что все это скоро кончится.

Такие перепалки, которые случались время от времени между Свеей и Каролиной, раньше были немислимы. И все же горничных увольняли одну за другой. А Каролину нет.

Наверное, ее спасало то, что она так много всего умела. Просто удивительно! И никому не приходилось ей указывать, что нужно делать. Она сама все замечала и за всем следила. В первые же дни стала выходить в сад и сгребать сухие листья. Никому до нее это не приходило в голову. Прикрыла розовые кусты на клумбах, чтобы они не замерзли. Она была смысленной и расторопной, восприимчивой и внимательной. Случись нам что-то разбить – она тут как тут с веником в руках. Даже Свее не к чему было придраться в ее работе. Она прямо этого не говорила, но все понимали, как много ей помогает Каролина.

Откуда она все это умела, нам оставалось лишь гадать. Она, конечно, не отвечала на такие вопросы. Ведь для нее это были пустяки, обычное дело. Казалось, ей это дается легко, без труда.

Мы, всегда считавшие работу по дому тяжелой и нудной, от которой хочется увильнуть, только удивлялись, с какой радостью Каролина бралась за дело. К тому же она любила порядок и наводила его очень быстро. Кое в чем она даже превосходила Свеею. Например, Свее всегда плохо удавалось выводить пятна с мебели. А Каролина все умела. Взвзвись вывести пятно, она делала это так, что никому потом и в голову не приходило, что вещь была испачкана.

Свее это нравилось, хотя она и не показывала виду.

– Осторожнее! Краска сойдет! – ворчала она вместо похвалы, но с плохо скрываемым восхищением в голосе. Краска, конечно, не сходила, зато пятно исчезало бесследно. – Да, вижу, ты и правда умеешь выводить пятна, – добавляла она потом.

– А разве оно здесь было? – смеялась в ответ Каролина.

Каролине у нас понравилось. Это было видно.

Помню, что Надя написала тогда бабушке письмо, в котором благодарила за то, что она прислала к нам Каролину. Бабушка ответила, что Каролина тоже благодарит ее за то, что попала к нам. «Вы нужны ей. Берегите ее!» – писала в письме бабушка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

При крещении ей дали два имени – Сага Каролина. Мама звала ее сначала Каролиной, потом Сагой. Это разузнала Надя.

Я часто задумываюсь над людскими именами.

Сага Каролина – девочку с таким именем, должно быть, кто-то когда-то очень любил. И что бы с ней ни случилось в жизни, даже если она потеряет все, прекрасное имя всегда останется с ней как символ этой любви, который никто не сможет у нее отнять.

Я не сказала еще, как зовут меня, потому что надеялась скрыть это, но раз уж мое имя было так важно для меня, то, наверное, теперь важно и для Истории. Но посмотрим, может, я назову его, а может, нет...

Итак, я много думала об именах.

Мою маму зовут Элизабет, но все называют ее Эльза. Это имя ей подходит. Для меня Эльза, как и Элизабет, означает что-то темное, а у мамы темные волосы и глаза.

Папу зовут Карл Вильгельм. Мама всегда произносит оба имени. И это правильно. Карл – имя светлое, а Вильгельм – темное. В папе сочетается и то, и другое. Глаза у него темные, а волосы светлые с золотистым отливом. Красивые волосы. Карл Вильгельм – тяжеловатое сочетание, но папа не тяжелый человек. Зато серьезный.

Роланд, мой брат, шатен с карими глазами, и его имя, как мне кажется, переливается всеми оттенками коричневого.

Надя тоже вполне похожа на свое имя: она светловолосая с голубыми глазами. Ее назвали в честь героини стихотворения Рунеберга², которое очень полюбилось маме.

Но откуда они взяли мое имя, просто не знаю.

Я терпеть его не могу. Сколько себя помню, для меня всегда было мучением назвать свое имя или услышать его от других. Меня прямо охватывало какое-то оцепенение. Я пыталась бороться со своим именем, не думать о нем, будто его нет вовсе. Но без имени не проживешь.

Горничным приказывали называть нас по именам. Им не разрешалось нам «тыкать». Когда мы стали подростками, нас называли «господин» и «фрекен».

Так что Каролина должна была бы говорить нам «господин Роланд» или «фрекен...», называя дальше мое имя.

Но она почти этого не делала. Когда мы были одни, то все было просто, мы говорили друг другу «ты». А в присутствии взрослых она ухитрялась обращаться к нам, не называя по имени.

Однажды я сказала Каролине по секрету, что ненавижу свое имя.

Она задумчиво посмотрела на меня и спросила:

– А какое имя тебе нравится?

Я не знала, и это особенно терзало меня, словно имя было клеймом на мне.

Потому что меня зовут БЕРТА.

Мама оправдывалась тем, что Берта означает сияющая и лучистая. Но мне от этого было не легче. Никакая я не лучистая. И ни я сама, ни мое имя никогда не смогли бы заставить меня засиять.

Однако я чувствовала, что все больше и больше становлюсь похожей на свое имя. Волосы потихоньку начинали рыжеть. Цвет глаз стал серее. Даже голос изменялся, превращаясь в тихий, глухой и безжизненный.

² Рунеберг Йохан Людвиг (1804 – 1877) – финский поэт, писал на шведском языке, автор национального гимна Финляндии.

Наверное, я преувеличиваю, но мне нравилось злорадствовать. Судьба еще накажет моих родителей! Ведь на человека с именем Берта нельзя возлагать большие надежды. Я сказала это маме, и она ответила, что я злая.

Да, злая. Я даже жестокая. Но у меня будто от рождения связаны руки.

Я не осмеливалась мучить папу, но маму много раз доводила до отчаяния. «Девочка моя, называй себя как хочешь!» – рыдая, говорила она мне, но я ледяным голосом отвечала, что теперь уже слишком поздно. Это все равно что выдавать себя за другую. Мне уже на роду написано быть серенькой и незаметной. Бесцветной медузой! Лучшее, что я могу теперь сделать, – это не высовывать нос. Так я твердила своей бедной маме, которая умоляла оставить ее в покое. Но почему я не могла замолчать? Потому что мне нравилось чувствовать себя беспощадной.

Я иногда замечала, что Каролина внимательно наблюдает за мной, и однажды она сказала, что попробует придумать имя, которое бы мне подошло. Но мне придется потерпеть, пока она узнает меня получше, а на это требуется время.

Это меня обрадовало, и вскоре я перестала так много думать о своем ужасном имени и о том, что пообещала Каролина. Все происходило, как она сказала, время шло, и постепенно нас стало занимать совсем другое.

Как-то раз Свея обнаружила, что Каролина улизнула из дома поздно вечером и вернулась лишь посреди ночи. «Должно быть, у нее весьма странные дружки», – заметила Свея. Мы тоже удивились, потому что считали, что Каролина не знает никого в городе, кроме нас. Дело принимало таинственный оборот, и Свея, поняв, что тут что-то нечисто, насторожилась, как кошка, почуявшая мышь.

Мы с Роландом не знали что и думать. Нас это особенно удивило, потому что по вечерам мы частенько тайком от всех засиживались у Каролины. Мы не хотели, чтобы об этом узнала Свея, потому что она считала, что хозяевам не подобает быть с прислугой запанибрата.

Значит, Каролина ушла после того, как мы отправились спать. В это с трудом можно было поверить.

Комната Свеи была внизу, рядом с кухней. И хотя ее отделял от Каролины целый этаж, она слышала, как ночью скрипела чердачная лестница.

Роланд и я жили на втором этаже, в соседних комнатах, моя находилась как раз под комнатой Каролины, но никто из нас не слышал ни звука. Это потому, сказала Свея, что мы спим как сурки, а она мучается бессонницей. После того как Каролина вернулась, Свея уже не смогла уснуть, и поэтому маме теперь следует проучить эту девчонку. «Это ваш долг, хозяйка! Так-то!»

Свея хотела, чтобы мама также разузнала побольше о прошлом Каролины. Она все время говорила об этом. Но Каролина не раскрывала своих тайн. Как Свея ни пыталась подловить ее, Каролина ни разу не попалась. И ни разу не удалось заставить ее проговориться. А теперь Свея хотела, чтобы мама выведала все у бабушки. Раз уж она прислала к нам Каролину, то должна знать, что она за птица.

Нужно разузнать о ней хотя бы ради детей, твердила Свея. Мы, дети, не должны якшаться с кем попало. Или нас зря считают «детьми из хорошей семьи»?

Ну и выражение! Она, может быть, думает, что бывают «дети из плохой семьи»? Это кто же, например?

Видимо, Каролина.

В конце концов Свея уговорила маму написать бабушке. Но бабушка в ответ спросила, почему бы нам не узнать все у самой Каролины, раз уж она живет у нас. Ведь это было бы проще всего. Бабушка не хотела говорить, что она знает или чего не знает. Каролина –

замечательная девушка, и мы должны радоваться, что она с нами, писала бабушка в конце письма.

Но такой поворот только больше разозлил Свею. Теперь она убедилась, что с Каролиной дело нечисто. И рано или поздно все раскроется. «Но мне все же кажется, Свея, что на Каролину можно положиться», – тихо пролепетала мама.

Но Свея ничего не ответила. И ходила с таким видом, будто знает все лучше других. Это не предвещало ничего хорошего. Когда у Свеи было такое лицо, всем было не до шуток.

Мы ждали, что вот-вот разразится буря. И только Каролина держалась, как не в чем ни бывало. Наверное, оттого, что совесть у нее чиста, думали мы.

Но за несколько дней до Рождества произошел случай, который меня очень озадачил.

Меня пригласила к себе школьная подруга. Было третье воскресенье Адвента³, мы решили устроить маленький сочельник и разыграли подарки, которые захватили с собой. Я принесла латунный подсвечник в виде ангела и фарфорового гномика.

Когда я возвращалась домой, было не меньше трех часов, и на улице уже почти стемнело. Начали зажигать фонари. Шел мелкий снежок, в окнах домов мерцал свет. На душе у меня было легко и радостно в предвкушении Рождества. К тому же я нечасто ходила в гости, ведь и мы никогда никого к себе не приглашали.

Моя школьная подруга жила на другом конце города. Я бежала по снегу, то тут, то там сворачивая за угол. Улицы были тихими и пустыми. Я не встретила ни одного человека, кроме фонарщика, который неожиданно возник передо мной со своим длинным шестом. Он шел зигзагом, от фонаря к фонарю, поднимал шест с огоньком на конце, вновь зажженный фонарь начинал мягко светить, и скоро весь город украсился шариками света, мерцающими в снежной дымке.

Я была далеко от дома, в другой части города, куда мы почти не ходили. Вдруг я услышала голоса. Я шла вдоль забора и только что миновала ворота, как они открылись и на улицу вышли трое парней. В руках у каждого было по апельсину, и они бережно несли их перед собой, словно фрукты были хрустальные. Они пошли по улице, а я быстро перешла на другую сторону и сделала пару шагов в другую сторону. Когда обернулась, они стояли под фонарем. Я остановилась и отошла в тень, поближе к стене дома. Я не знала, чего жду, но меня не покидало странное чувство.

Парни закурили и стояли с апельсинами в одной руке и папиросками в другой. Они были плохо одеты, без пальто, а один даже без куртки, на нем был только черный шерстяной свитер. Шапок на них тоже не было, только на том, что в свитере, черная кепка с козырьком. На всех были тонкие ботинки. Они были бедны и слишком легко для зимы одеты, но лица их казались довольными.

Вдруг парень в свитере бросил свою папироску на землю и уже собирался наступить на нее, как другой быстро наклонился и подхватил окурочок. «Отсыреет ...» – пробормотал он.

Двое с укоризной посмотрели на парня в свитере и принялись разглядывать папироску, словно некую драгоценность, вертеть ее в руках и дуть на нее, пытаясь высушить. А черный свитер стал подбрасывать свой апельсин. Он подкидывал его все выше и выше, ловя почти у самой земли.

Сердце у меня заколотилось. В этом парне было что-то... Что-то настолько знакомое... Я не могла оторвать от него глаз.

Вдруг парень в свитере уронил апельсин. Он покатился к стене, где я стояла. Парень обернулся и двинулся ко мне. И тут я увидела его лицо!

Я думала, у меня остановится сердце. Парень посмотрел на меня, и наши взгляды встретились.

³ Адвент – время (у протестантов – около четырех недель), предшествующее Рождеству.

Это было лицо Каролины. Ее глаза смотрели на меня и не узнавали.

Я окаменела. Апельсин лежал в метре от моих ног. Парень наклонился и поднял его, едва не коснувшись меня. Он слегка улыбнулся, снова посмотрел мне в глаза и, с рассеянным видом подбрасывая апельсин, направился к своим друзьям.

Я поспешила домой, но у поворота снова обернулась. Парни все еще стояли под фонарем. Я слышала, как они напевали: «Тихая ночь, дивная ночь», кто-то из них насвистывал, а парень в черном свитере все играл апельсином. Но в мою сторону больше не смотрел. А зачем ему на меня смотреть? Ведь он меня не знает.

На мгновение я подумала, что обозналась. Но когда он бросал апельсин или поворачивал голову, в его движениях я узнавала Каролину.

Должно быть, у нее есть брат. Наверное, они даже двойняшки. К тому же он живет в этом городе.

Это могло бы объяснить, куда Каролина исчезает по ночам. Видимо, Свее не ошиблась.

Но почему Каролина не сказала, что у нее есть брат? Может, она стеснялась, что он бедно одет?

Нет, на нее это не похоже. Тут что-то другое.

Когда я вернулась, в доме было необычно тихо. Папа уехал, Свее тоже ушла. Надя спала. Раздавалось только жужжание швейной машинки. Мама шила платье для куклы, которое она собиралась подарить Наде на Рождество. Я спросила, где Роланд, и мама, не отрываясь от шитья, ответила, что точно не знает. И продолжала крутить ручку машинки.

– В гостях было весело?

– Да. А Каролина дома?

– Да, наверное. Вкусно угощали? Ну да, конечно, вкусно.

Это было похоже на маму. Спрашивала и тут же сама отвечала – на самом деле ей просто не хотелось разговаривать. А это означало, что она, вероятно, догадывается, что Роланд сидит у Каролины, но не хочет показать это. Бедная мамочка!

Я тяжело вздохнула и направилась напрямик на чердак.

Мне было совсем невесело. Радоваться было нечему. Неужели Каролина и вправду водит нас за нос? И как я теперь посмотрю ей в глаза? Разве мне приятно встретить ее брата, даже не имея понятия о том, что он существует? Что мне теперь ей сказать?

Я повернула на чердак. Наверху не было слышно ни звука. Полная тишина. Может быть, Каролины и нет дома. Но как только я собралась идти обратно, я услышала, как она запела. У нее был низкий, чуть глуховатый голос. Она пела красиво и, казалось, для себя. Возможно, там и нет Роланда, как я думала. Хорошо бы побыть с ней хоть раз наедине!

Я поспешно взобралась вверх по ступенькам и постучала. Голос тут же умолк, но Каролина не отвечала. Я постучала снова.

– Это я... – проговорила я.

– Входи. У меня не заперто.

Это я знала. Каролина никогда не запиралась. Ведь двери существуют затем, чтобы их открывать, а не запирать. Свее считала иначе. Была она у себя или нет – ее дверь была заперта всегда.

Но Каролина оказалась не одна. С ней был Роланд. Они сидели на кровати, опершись спинами о стену и склонив головы друг к другу. На комод горела маленькая свечка в латунном подсвечнике, похожем на тот, который я отнесла сегодня в гости. Латунный ангел со свечой в руке. Мы купили их с Роландом вместе, и я думала, что он подарит его кому-нибудь из нашей семьи, например Наде. Но его получила Каролина.

– У нас маленький сочельник, – сказал Роланд. – Посмотри, что мне подарили!

И он вытащил большой пряник в виде сердца, украшенного разноцветной глазурью. Каролина испекла его для Роланда.

– А вот и для тебя, – сказала она и протянула мне такое же сердце поменьше.

В комнате был только один стул. Он стоял в углу поодаль от кровати. Я подошла к нему и села. Каролина налила в стакан сок и подала мне. Мы подняли наши «бокалы». В воздухе ощущалась натянутость. Пригубив сок, мы снова замолчали. Я пожалела, что пришла.

Роланд сидел со смущенным видом, будто его застали врасплох. Он и Каролина рассматривали старые фотографии, объяснил брат, указав на кучу альбомов и коробку на полу рядом с ними.

– Каролине нравятся старые фотографии, правда?

Он взглянул на нее, но она не ответила; меня охватило неприятное чувство. Ведь это наши альбомы, наши семейные фотографии, которые делал папа, по крайней мере почти все из них. Одно время он увлекался фотографией. Но что эти вещи делают здесь? Конечно, это всего лишь предлог. Или они, правда, думают, что я им поверю?

Каролина действительно интересовалась фотографиями. Я это замечала. Но старые семейные альбомы? Нет. Тут все шито белыми нитками.

Каролина взяла один альбом и стала его листать. Роланд склонился над ней так, как будто хотел оказаться как можно ближе. Я поднялась и сказала, что мне пора идти. Голос у меня осекся. Я вовсе не хотела быть третьей лишней. Ведь они мечтают избавиться от меня.

Роланд хихикнул, а Каролина встала и сказала:

– Ты же только что пришла. Я не хочу, чтобы ты уходила.

Она положила руки мне на плечи и заставила снова сесть. Потом она посмотрела на Роланда и сказала, что нам лучше с ним поменяться местами, чтобы я села на кровать. Рядом с ней. Но Роланд словно не слышал, и я должна была повторить ему просьбу Каролины. Он сделал обиженную мину и тут же ушел.

Когда мы остались одни, Каролина объяснила, почему так любит фотографии. Мне это, наверное, кажется удивительным, но она рассматривает семейные альбомы не из простого любопытства. Ей интересно другое.

– То, о чем не многие задумываются, – сказала она тихо.

Ее больше занимает тот, кто фотографирует, чем тот, кого фотографируют. Тот невидимый фотограф, чье присутствие отражается на тех, кого он снимает.

– В каком-то смысле можно сказать, что он и есть главный герой, – сказала она и раскрыла альбом у себя на коленях. – Посмотри-ка вот сюда, например. На этой фотографии отчетливо видно, что женщина... кстати, кто это?

– Это же мама. Разве ты не видишь?

– Что твоя мама делает вид, будто не замечает, как ее фотографируют. Она вроде играет с ребенком, но на самом деле думает о том, кто делает снимок. Это неестественно. Ты видишь?

– Да, наверное...

Но ведь многие люди выглядят слегка напряженными перед объективом.

Нет. Каролина покачала головой. Не все. И снова склонилась над альбомом.

– А, кстати, кто этот ребенок? Это ты или Роланд?

– Нет, не я и не он. Это Яльмар, наш маленький брат, который умер.

– А кто снимает?

– Думаю, папа...

– Забавно. У твоей мамы какой-то неуверенный, неестественный вид, – сказала Каролина и закрыла альбом.

Потом она взяла другой и стала его рассматривать. Не говоря ни слова. Вдруг она посмотрела на меня вопросительно, словно ребенок:

– А эта фотография...

– Да?

– Меня удивляет...

Я наклонилась к ней, чтобы разглядеть. В комнате было довольно темно. Только свет маленькой свечи в подсвечнике освещал нас, да и та почти догорала. Огонек беспокойно трепетал, но Каролине этого света было, казалось, достаточно.

– Женщина на этой фотографии не такая испуганная, – сказала она. – Видишь?

Но я увидела только широкий ствол дерева и скамейку.

– Не видишь? – переспросила она и показала пальцем.

– Пытаюсь увидеть... – ответила я. Каролина медленно повела пальцем над фотографией.

– Видишь, здесь тень... Это тот, кто снимает...

В этот момент свечка вспыхнула в последний раз, и в этом свете я увидела дерево, перед ним скамью, маленького ребенка в белом и поодаль между деревьями одетую в белое женщину. И палец Каролины, который указывал на тень на переднем плане, падающую на скамейку.

Свечка потухла, и в комнате стало темно. Мы начали искать спички. Каролина нашла их и зажгла керосиновую лампу. Она подкрутила фитиль так сильно, что мы стали щуриться от света.

Я хотела вернуться на кровать, но Каролина все еще стояла у стола с лампой в руках. Я заметила, как изменилось ее лицо. Закрытый альбом лежал на кровати, но как только я попыталась взять его, она одернула меня:

— Не трогай!

Но как раз теперь, когда света было достаточно, я хотела получше рассмотреть ту фотографию.

– Нет, я не хочу! – сказала Каролина.

Я вздрогнула от ее ледяного голоса. Она словно превратилась в другого человека, от прежней Каролины не осталось и следа.

– Тогда я пойду? – робко спросила я.

И медленно направилась к двери, ожидая, что Каролина меня остановит, но она повернулась ко мне спиной и стала счищать воск с латунного ангела.

– Я верну альбомы завтра утром, – сказала она, – так что они будут на месте, когда все встанут. Хорошо?

– Да, конечно... Спокойной ночи!

– Тебе посветить?

– Спасибо, не надо.

Я закрыла за собой дверь и стала спускаться по темной лестнице.

Каролина вышла из комнаты с лампой и светила мне, пока я не спустилась. На минуту я остановилась и обернулась, надеясь, что она позовет меня обратно. Но она стояла с лампой неподвижно, словно статуя.

– До завтра... – сказала я слабым голосом. Она кивнула и закрыла за собой дверь.

В эту ночь мне почти не спалось. Я все думала о брате Каролины. Его лицо то виделось мне четко, то таяло, словно в тумане. Неужели мне все это показалось? Ведь было темно, шел снег, свет фонаря был слабым. И все говорят, что у меня бурная фантазия.

Я хотела сказать Каролине, что видела ее брата, но у меня как-то не вышло. В общем-то, это, наверное, к лучшему. Я и сама перестала верить себе. Папа говорит, что нельзя доверять своим глазам.

Но почему Каролина сказала, что мама выглядит неуверенной на фотографии? Что она неестественно держится перед папой?

Что означают ее слова?

Может, она пыталась скрыть, что альбомы были лишь предлогом? Как я и подумала вначале? Что Роланд притащил их, чтобы иметь повод остаться с Каролиной наедине в ее комнате? И теперь она пытается этими странными словами навести тень на плетень?

Но нет. Ее интерес к фотографиям был настоящим. Она, конечно, умела заговорить зубы и часто это делала. Но только не сегодня. Нет, фотографии – совсем другое дело.

На следующий день Каролина была весела и приветлива, как обычно, и, глядя на нее, нельзя было не поддаться ее настроению; но как только я вернулась к себе, мне снова стало грустно.

Я вспомнила, что, когда была маленькой, любила пускать мыльные пузыри. И хотя я хорошо знала, что переливающийся пузырь, который выдула из тростинки, обречен рано или поздно лопнуть, каждый раз, когда это происходило, начинала душераздирающе рыдать. Я никак не могла с этим смириться. И так сильно переживала, что мама в конце концов запретила мне пускать пузыри.

Вот и сейчас я чувствовала что-то похожее. На душе у меня скребли кошки. Мне было четырнадцать, и я решила, что встретила необыкновенного человека. Совершенно честного. Я даже не думала, что на свете бывают такие, как Каролина.

И вдруг я начала подозревать, что она не так уж правдива. Что Каролины, которую я себе нарисовала, нет на свете. Это был еще один мыльный пузырь. Я старалась не показывать окружающим своего настроения, но в душе рыдала.

Прошло некоторое время, пока я поняла, что какая-то Каролина все же существует.

Почему я решила, что моя Каролина и есть настоящая? Это просто плод моего воображения. Какое же у меня самомнение!

Но нужно найти настоящую Каролину. Даже если она прячется за сотней масок – а в этом я теперь не сомневалась, – я не сдамся. Я ее найду.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прежде нас обстирывала прачка. Она жила за городом у устья речки, и все звали ее Флора с озера Осет. Несколько лет она приходила к нам стирать белье, но теперь сил у нее уже не хватало. Ей было не так много лет, но она всю жизнь работала как вол. У нее было множество детей и никогда не было мужа. Трое младших еще жили с ней. Эгих несчастных, запуганных малышей звали Эдвин, Эйнар и Эдит.

Эдит была самой маленькой. Как-то раз, несколько лет назад, когда я была помладше, к нам в дверь постучалась Флора. Был канун сочельника, около полудня, и мне случилось остаться дома одной. Я увидела ее из окна кухни. На спине у Флоры висел мешок, в котором сидела Эдит, такая маленькая, что из мешка торчала только ее голова. Ей, наверное, едва исполнилось несколько недель.

Когда Флора узнала, что я в доме одна, она прошагала прямо на кухню и села на стул. Оглядываясь вокруг, сказала, что ужасно замерзла, потому что у нее дома кончились дрова.

В кухне стояли чан с подходившим тестом, прикрытый полотенцем, и горшки с разной рождественской снедью. Флора принялась, почувяла соблазнительные запахи.

Кухня была ими полна. У меня не было денег, а взять еду я бы не посмела. К тому же кушанья были еще не готовы. Но дров у нас было в достатке, и я сказала Флоре, что она может взять столько, сколько сможет унести. Она с прищуром посмотрела на меня и, охая, покачала головой:

– Ох-ох-ох, не так-то это просто...

Я не поняла, что Флора имеет в виду, но она объяснила, что пришла вовсе не попрошайничать. Она снова огляделась, принявываясь.

– Ох-ох-ох... так-то. У всякого своя судьба... – сказала она тоном проповедника и повторила свои слова несколько раз. Мне стало стыдно оттого, что наша кухня ломится от угощений, но я не знала, что же мне предпринять. Чтобы хоть что-то сделать, я подошла к Флоре и стала разглядывать маленькую Эдит. Тут прачка крепко схватила меня за руку и с заговорщическим видом прошипела:

– Детка, я вся промерзла...

Дрова ей не помогут. Сначала нужно согреться изнутри. Иначе она помрет, и ее дети вместе с ней. И она махнула рукой в сторону мешка за спиной, из которого свешивалась голова спящей Эдит.

Я растерялась. Что же мне делать? Чтобы показать, как ей холодно, Флора стала дрожать и стучать зубами. Согреться изнутри? О чем это она? Я спросила ее. Флора тут же отпустила мою руку:

– Да благословит тебя Господь, детка. У тебя нет немного водки?

Водки? Я задумалась. На буфете стоят два графина с красным вином. Может, она намекает на это?

– Нет-нет, водки! Чего-нибудь покрепче.

И Флора опасливо оглянулась, словно боясь, что ее услышат.

– Поторопись, – прошептала она. – Иначе будет поздно.

И снова затряслась, охая и стуча зубами. Я испугалась не на шутку. Их жизнь зависит теперь от меня, подумала я, перебирая в уме то одно, то другое. В буфете ведь много бутылок. Я бросилась в столовую, отыскала в бокале ключ от буфета и открыла дверцы. Схватив самую большую бутылку, бегом вернулась на кухню к Флоре. Может быть, это подойдет?

Она вытащила пробку из бутылки и понюхала. Это, конечно, не водка, но сгодится. Флора поднесла бутылку ко рту и сделала глоток.

– Эгей! Сейчас согреемся! Спасибо, детка! – сказала она.

Видимо, это вернуло ее к жизни, потому что она так резко встала со стула, что маленькая Эдит проснулась и заплакала.

— Тебе тоже надо глотнуть, мордашка! – сказала Флора, вытащила из кармана старую тряпку и, хорошо смочив ее из бутылки, сунула в рот Эдит, которая сразу умолкла.

– Спасибо от нас обеих! – поблагодарила Флора и, подойдя к окну, осторожно выглянула на улицу. Совсем не нужно, чтобы кто-нибудь пришел и увидел ее, пояснила она и, спрятав бутылку под пальто, скорым шагом направилась к двери.

Я побежала вслед за ней и спросила, не хочет ли она все же взять немного дров, но она ответила, что теперь это уже не нужно, им и так будет чем согреться.

Когда вернулась мама, я с гордостью рассказала, что случилось. Я спасла человеку жизнь и чувствовала себя благодетельницей. Родители не упрекнули меня ни в чем, но, насколько я поняла, подумали, что было бы лучше дать Флоре дров, а не бутылку.

В бутылке был коньяк, который папа купил к Рождеству, и он, наверное, пожалел, что я схватила именно эту бутылку.

Но зато Флора теперь еще долго сможет греться изнутри. Родители решили, что прачке и ее детям приходится туго, и с тех пор мы взяли за правило навещать Флору с озера Осет и ее малышей. В сочельник мы всегда приносили им подарки.

В это Рождество к Флоре отправили нас с Каролиной. Я втайне радовалась тому, что мы проделаем долгий путь с ней вдвоем. Своя собрала большую корзину еды и сладостей. Мы взяли ее каждая за ручку, а в свободную руку мне дали еще мешок с подарками для детей. А Каролине – бидон с керосином. Чуть только рассвело, мы отправились в путь.

Каролина никогда не бывала в избушке Флоры, и я подумала, что нужно ее слегка подготовить к тому, что нас там ждет. Я сказала, что может случиться так, что Флора уже начала отмечать Рождество и тогда будет лежать на своем топчане и жаловаться на нездоровье. Она несварлива, когда выпьет, но любит пустить слезу и ужасно жалеет себя. Лучше всего соглашаться с ней, ее все равно не утетишь, она только разозлится.

Но Флора может быть в воинственном настроении – это означает, что отметить праздник ей нечем. И она станет предлагать нам кофе. В первом случае она этого не делает. Если уж предложит кофе, нам придется согласиться, хотя кофейные чашки у нее всегда немытые. Флора говорит, что слишком много убирает и стирает у других, так что сил содержать в чистоте свой собственный дом просто не остается. Но прежде чем разлить кофе, она потрет пальцем по краю чашки – вот и все мытье. И обязательно наденет старый засаленный передник, хотя он уже весь зарос грязью. Не стоит обращать на это внимание, лучше делать вид, что все идет как надо. Каролина должна иметь в виду, что Флора очень обидчива.

Пока я все это говорила, Каролина шла молча, глядя под ноги. Потом вдруг серьезно посмотрела на меня:

– Я счастлива, что не родилась в такой семье, как твоя!

О чем это она? Я остановилась, чувствуя, как краска приливает к лицу. В ее словах было такое осуждение, что я просто онемела. Мы стояли друг против друга. Корзина между нами на земле. Каролина смотрела мне в глаза и продолжала:

– Ты не представляешь, что люди могут жить так, как Флора. Но я должна сказать тебе, что многие живут еще хуже. И не так редко, как тебе кажется. И это несколько не смешно.

У меня на глаза навернулись слезы, я почувствовала себя глупой и нелепой. Каролина была, конечно, права, возразить ей мне было нечего, а она неумолимо продолжала:

– Вы с Роландом, что вы знаете? Мне жаль вас. Когда вы рассказываете о том, что видели, кажется, будто вы прочитали это в книжке, но так ничего и не поняли и просто зазубрили наизусть. Будто вы никогда ничего не переживали сами. Или не в силах понять то, что увидели.

Слезы застилали мне глаза. Чтобы скрыть, что готова заплакать, я наклонилась и взяла корзину за ручку.

– Жаль, что ты вдруг стала считать нас такими недотепами... – сказала я. Я едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться, но перед Каролиной хотела казаться спокойной.

Она взяла корзину за другую ручку. Мы снова пошли.

– Нет, вы не виноваты, я и не думала винить вас. Я против такого положения вещей, когда то, что одному кажется привычным и единственно возможным, другой просто не может себе этого представить, для него это какая-то небывица.

Я шла, глотая слезы, и мне нечего было возразить Каролине, ведь мы с Роландом действительно знали так мало. Только то, что происходило в школе да по дороге домой. Вот и вся наша жизнь. Конечно, Каролина знала больше. Она и сама говорила, что ей довелось повидать многое, но держала все при себе и ничего не рассказывала. Правда, иногда она развлекала нас захватывающими историями, которые, как нам казалось, произошли с ней самой. Она так вживалась в роль, что нам и в голову не приходило, что это выдумки.

Но, размышляя об этом после, я понимала, что она просто не могла повидать столько всего, побывать в стольких разных местах почти одновременно. Ведь ей было еще не так много лет. Если бы все это случилось с ней самой, она была бы теперь глубокой старушкой. Но стоило спросить ее об этом, она со смехом уходила от ответа и говорила, что мы можем думать, что хотим.

Вначале я смотрела ей в рот и верила каждому ее слову, но постепенно убедилась, что зря. Просто у Каролины такая манера. Она выдумывала невероятные истории, чтобы скрыть свои личные переживания и чтобы мы не могли чем-нибудь ее задеть.

Мне говорили, что у меня богатая фантазия. Но что же тогда сказать о Каролине? И разве она вправе порицать меня за мои «небывицы»?

Она молча шла рядом со мной. Она уже высказала мне все, что думает. Меня охватили досада и грусть. Я ведь хотела развеселить ее чем-нибудь, чтобы все между нами стало по-прежнему. Я так много ждала от этой прогулки. А теперь мы молча идем рядом. Ее слова все еще звучали у меня в ушах, я так и не придумала, что ей сказать, а мы уже вышли к озеру Осет.

На мысу одиноко стояла маленькая ветхая избушка. Вокруг нее не было не то чтобы садика, но даже травы. Только замерзшая глина, покрытая снегом, которая во время дождя превращалась в непролазную грязь. В засуху же она покрывалась трещинами и все вокруг становилось таким же серым и унылым, как сама избушка.

Первое, что мы увидели, подходя к ней, – это то, что дверь висит на одной петле и не закрывается. Кошки Флоры сновали сквозь щель туда-сюда.

У маленького окошка теснились три головки. Позади них было темно. И хоть бы какой дымок из трубы...

Мы постучали. Скрипучий голос ответил, что дверь открыта, разве мы не видим? Это была Флора. Она сидела, сгорбившись, на краю топчана, но стоило нам переступить порог, как она откинулась на спину и проворчала: «Я так сильно болею...»

На этот раз это оказалось чистой правдой. Флора не была пьяна и, видимо, по-настоящему простудилась. Ничего удивительного, ведь в доме стоял ужасный холод. Печь не топили, а дверь не закрывалась.

Каролина отыскала шуруп, вывалившийся из дверного короба, и приладила на место сорвавшуюся верхнюю петлю, чтобы дверь можно было снова повесить. Дверь была тяжелой, и мне пришлось помочь Каролине приподнять ее. Но мы быстро с этим справились.

Папа время от времени посылал Флоре дрова, так что их было здесь достаточно, но Флора ленилась топить. Мы сразу развели в печи огонь.

Трое ребятшек тихо стояли, засунув пальцы в рот, и робко и выжидающе поглядывали на большую корзину и мешок с подарками.

Флора все лежала на топчане и гнусавила: «Я бы предложила вам кофе...»

Огонь в печи разгорелся, стал весело потрескивать, распространяя свет и тепло. Дети опасно приблизились к печи погреться. Каролина посмотрела на них. В глазах у нее показались слезы, и она быстро вытащила из корзины каждому по печенье.

– Держите! Ешьте печенье и грейтесь хорошенько. А мы тут немножко приберем... А потом заглянем в корзину.

– Я бы предложила вам кофе... но у меня нет воды, – слышалось с топчана.

Каролина взяла ведро и протянула мне:

– Накачай воды, а я займусь уборкой!

Когда я вернулась, Каролина уже заканчивала подметать пол.

– Приготовь мыльную воду, – сказала она мне, – да поскорее. Нам надо многое сделать до ухода. Пока я навожу здесь порядок, пойдешь набери еловых веток.

Недалеко от избышки рос лесок. Я побежала туда. Деревья там почти все стояли голые, без листьев, но мне удалось найти ель и наломать большую охапку душистых еловых веток, чтобы украсить входную дверь и поставить в углу комнаты.

Работа у нас спорилась. Я вытерла пыль с окна и мебели, пока Каролина отскребывала и отмывала маленькие чашки. Мы хотели все успеть. У малышей должен быть праздник. Они с любопытством ходили за нами, а Флора все лежала на своем топчане и твердила: «Да не надрывайтесь вы так...»

В то же время она всякий раз находила какое-нибудь дело, которое мы могли бы заодно сделать, раз уж взялись за уборку.

Мы с Каролиной работали дружно. Я заметила, что она оставляет мне такую работу, с которой я могла легко справиться. Это было очень приятно, и вообще работать с Каролиной было для меня одно удовольствие. Но вот мы все сделали, и она сказала:

– Зажги свечи, а я сварю кофе.

Вчера весь день мы отливали свечи и принесли Флоре целую коробку. У нас были также свежее испеченный шафранный хлеб, лепешки и перечное печенье.

Флоре с трудом удалось сесть, чтобы окинуть взглядом нашу работу. Казалось, она была рада. «Да, хорошо, что я могу угостить вас кофе, ведь вы тут столько сделали...» – заметила она.

Когда мы взялись за корзину, малыши снова были тут как тут: сунув пальцы в рот, они уставились на яства. К тому времени и Флора была уже на ногах. Она наклонилась над столом и, что бы мы ни вынимали, всякий раз кивала головой и беззвучно шевелила губами, убеждаясь, что мы ничего не забыли. Видимо, она осталась довольна. «Вот так, детки, у нас будет настоящее Рождество...» – бормотала она.

Последнее, что мы увидели, отправляясь домой, были три головки, теснившиеся у маленького окна. Но оно теперь сияло чистотой, и в избышке горел свет.

По дороге домой Каролина вдруг взяла меня под руку.

– Давай отправимся куда-нибудь в деревню и наймемся в служанки. У нас хорошо получится.

У меня не было слов, чтобы выразить свою радость.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда мы с Каролиной возвращались от Флоры, мы встретили бабушку. Она только что приехала. За пару дней до сочельника мы получили от нее посылку с подарками и письмо, в котором она ясно писала, что в это Рождество останется дома.

Но с бабушкой никогда не знаешь ничего наверняка. Ей внезапно может прийти в голову идея, и она тут же бросится ее исполнять, а огорошить всех и появиться с кучей подарков она обожала. В этот раз она так и сделала, в руках у нее были свертки, хотя рождественские подарки она уже прислала.

Как глупо, что она так поспешила с посылкой, посетовала бабушка, ведь ей потом попало еще столько забавных вещей. Что же ей было делать? «Я приеду с ними сама!» – решила она и села в поезд. И сделала это так быстро, что не успела сообщить нам.

В этом была вся бабушка. И вот она стоит перед нами, румяная и довольная в предвкушении праздника.

Папа рассказывал, что под Рождество бабушка всегда становилась восторженной, как ребенок. На самом деле нам следовало ожидать, что бабушка не откажет себе в удовольствии свалиться как снег на голову в последний день. Она не могла пропустить момент, когда раздавали рождественские подарки, когда мы, затаив дыхание, разворачивали ее свертки. Конечно, в эти минуты она хочет быть с нами.

Бабушка привыкла царить и управлять. Когда папе было три года, она осталась одна с пятью детьми – дедушка пропал, катаясь на парусной лодке на озере Веттерн. Его так и не нашли, но поняли, что он утонул, когда к берегу прибило перевернутую лодку. Бабушка не вышла замуж снова, хотя на нее многие засматривались; такого, как дед, больше не встретила, а на меньшее не соглашалась.

Она была сильной женщиной с необыкновенным чувством юмора. Не упуская случая повеселиться и пошутить с друзьями, предпочитала справляться со своей семьей в одиночку. Это делало ей честь. Как она сводила концы с концами, знала только она сама, но пару раз ей досталось наследство и удалось наскрести небольшое состояние, которым она умело распорядилась. Бог наградил ее этим талантом. И теперь, в старости, она не осталась без средств. У нее была возможность проявить свою щедрость, а это было для нее очень важно.

Бабушка никогда не гостила долго. «Я скоро уеду!» – решительно говорила она, едва ступая на порог. И тут же сообщала, на каком поезде отправится, и мы знали, что так и будет. Бабушка могла переменить что угодно, но только не обратный поезд. Мне кажется, я знаю почему. Появляясь внезапно, бабушка начинала играть в доме главную роль. Так происходило, хотела она того или нет, но эта роль требовала таких сил, что бабушка не справлялась с ней слишком долго. Она, конечно, поступала мудро. Так она всегда сохраняла за собой первое место.

Мама любила бабушку, но всегда волновалась, когда та приезжала вот так, без предупреждения. К тому же в канун Рождества. Мама знала, что Свея будет недовольна, ведь она очень не любила гостей, не сообщающих о своем приезде.

Обычно Свея проводила одно Рождество с нами, одно – с родственниками в деревне. К сожалению, в этом году она осталась дома. Так что стоило ожидать неприятностей. Свея считала бабушку избалованной особой, которая делает что заблагорассудится, не оглядываясь на других. Появиться в сочельник, никому не сообщив заранее, было, по мнению Свеи, верхом бестактности, особенно по отношению к ней, Свее, на которую сваливается много лишних хлопот.

Но когда нужно, Свея умела схитрить. Хотя ей совсем не хотелось «лебезить», она все же стремилась понравиться бабушке и была с ней приветлива. И что, по ее мнению, означало слово «лебезить», попятить было трудно. Это целиком зависело от ее настроения.

В тот раз настроение у Свеи было плохим. И все из-за Каролины. В чем она провинилась, Свея не говорила. Она просто давала маме понять, что слишком многое в доме идет не так, как следовало бы. Нужно поостеречься! И не позволять бабушке делать что вздумается. У Свеи свое хозяйство, и им управляет она. И не стоит бабушке совать туда свой нос.

Но разве удержишь бабушку? Она хочет быть всюду и устраивать все по своему вкусу. Как ее остановишь?

Свея тряслась от возмущения.

– Ну знаете, хозяйка, это никуда не годится! Она перевернет вверх тормашками весь дом! Мы не можем ей это позволить!

Свея хотела, чтобы мама вмешалась и взяла бабушку «в ежовые рукавицы». Безнадежная затея.

Мама это понимала и поэтому с неожиданной решительностью ответила:

– Пока свекровь здесь, все будет так, как она хочет! Я ничего не могу с этим поделать. Ни я, никто другой. Потерпите, Свея!

И Свея, не привыкшая, чтобы мама так разговаривала, посчитала за лучшее смолчать. Но совсем переменить свое мнение, конечно, не могла, и стычки все же случались.

Однажды Свея решила показать себя перед бабушкой в выгодном свете и в то же время задать перцу Каролине. Намерения ее были по меньшей мере сомнительными, и в том, что случилось, Свее надо было пенять на себя. Она снова завела разговор на свою любимую тему – о всеобщем избирательном праве.

Мы накрывали на стол, и Свея начала ни с того ни с сего насмеяться над «движением синих чулок». Каролина тут же возразила ей, разгорелся спор, и Свея, убежденная, что бабушка будет на ее стороне, стала разглагольствовать об «избалованных женушках», которые только и думают, как бы улизнуть от ответственности и своих семейных обязанностей. Заведя эту старую песню, Свея все время украдкой поглядывала на бабушку.

Но та не произнесла ни звука. Свея, конечно, решила, что бабушка слушает ее, и распалялась еще больше. Но я знала бабушку и видела, что она просто пропускает все мимо ушей. Это тоже неплохо, подумала я. Но тут бабушка прислушалась и вдруг выпалила:

– Кончай ворчать, Свея! Ты даже не знаешь, о чем говоришь! Не могу больше слушать эту чушь. Неужели ты сама не слышишь, какие глупости несешь? Называть избирательное право всеобщим, а женщин его лишать – да это же неслыханно! Как ты, Свея, можешь допускать такое? Ты, которой только дай похозяйничать! Или ты хозяйка только в этих четырех стенах?

Да, на этот раз Свея получила как следует. Но только все зря. Она так и осталась при своем. И думаю, едва ли сама понимала это. Так или иначе, она благоразумно смолчала. Вполне возможно, что она и не слушала бабушку.

Если мужчины, продолжала бабушка, допустят женщин в свое общество, то, возможно, и женщины, в свою очередь, допустят мужчин к домашним делам и возложат на них большую ответственность. От этого выиграют обе стороны.

– Взгляни, например, на моего сына Карла Вильгельма. Он понятия не имеет о том, что творится в доме, и лишь изредка осмеливается сунуть нос на кухню. У него нет никакой ответственности, и он вряд ли когда-нибудь смог бы один со всем справиться. Это трагедия. Это тупик и для мужчины, и для женщины. Такое больше не может продолжаться.

Так бабушка ответила Свее под Рождество 1911 года, и никто не возразил ей. Папа только что заглянул на кухню и тут же ушел. Никто не спросил его, что ему нужно, хотя он и сам, наверное, этого не знал. У мамы был немного испуганный вид. Бабушка улыбалась.

Теперь весь сочельник будет испорчен, подумала я и посмотрела на Свею. Но я все же плохо знала свою бабушку. Сразу после этого разговора она похвалила Свею за прекрасный вкус и заботу, и они вновь поладили. Свея забыла свою досаду и засияла, как солнце.

Нет, бабушка не хотела испортить сочельник.

И мы провели чудесный вечер.

Свея и Каролина были с нами. Почти все было готово, и им не нужно было корпеть на кухне. Конечно, им приходилось мыть посуду и бегать туда-сюда. Раньше я не задумывалась о таких вещах, само собой разумелось, что прислуга должна выполнять свою работу. Но теперь, после того прекрасного дня у Флоры, когда я помогала Каролине во всем, мне было нелегко смотреть, как они стараются для нас. Я пыталась как можно незаметнее помочь им, но Свея, увидев меня, заявила, что мне нечего делать на кухне.

Я не нашлась, что ответить, а она резко сказала мне, чтобы я тотчас шла к родителям, и я больше не осмелилась помогать.

Когда пришел черед дарить рождественские подарки, я снова почувствовала себя мучительно неловко. Конечно, про Свею и Каролину не забывали. Но то, что дарили нам, и то, что доставалось им, – это была большая разница. Мы писали целые перечни того, что нам хотелось, и получали всегда особые и хорошо продуманные подарки. А горничным из года в год дарили одно и то же. Материю для рабочей одежды неизменно синего цвета. Или иногда черного для платья, которое им полагалось надевать по воскресеньям и к приходу гостей. Белые ситцевые передники или фартучки с воланами и маленькие шапочки. Носовые платки. Щетку для волос или ручное зеркало. Горничные получали также марципановых свинок или мелочь в конвертах.

Я не думала об этом раньше, но теперь мне стало тяжело это видеть.

Хорошо, что бабушка была с нами. Ее подарки подняли настроение. Бабушка не делала между нами различия – для всех у нее были особенные подарки. Кстати, бабушка всегда дарила на Рождество книги.

В том году она подарила мне «Дэвида Копперфилда» Диккенса, Роланду – «Книгу джунглей» Киплинга, а Наде – «Путешествие на кошке». Бабушка купила еще «Трех мушкетеров» и «Дом Лильекроны» Сельмы Лагерлёф.

Каролина получила в подарок «Нортуллскую компанию» Элин Вэгнер. Было заметно, что она рада. Единственной, кому бабушка не подарила книгу, была Свея, но все и так знали, что она не тратит времени на чтение книг. Вместо этого бабушка преподнесла ей рождественский журнал.

Потом мы танцевали вокруг елки и играли в рождественские игры. Каролина показалась мне необычно молчаливой, хотя лицо у нее было довольное. Ее тянуло к Наде, а Надю к ней.

Папа держался тихо и скромно. Но он так редко вел себя иначе, особенно в сочельник. Он покурил трубку и наблюдал за нами. Было видно, что ему хорошо и весело, но почти все время он молчал.

Мне показалось, что, когда он смотрел на Надю и Каролину, его взгляд становился чуть теплее. Но стоило Каролине почувствовать это, в ее глазах появлялась настороженность и она смотрела на него далеко не так дружелюбно. Мне вспомнились ее слова, которые она сказала по дороге к Флоре: «Я счастлива, что не родилась в такой семье, как твоя!». Может, именно такие мысли приходили ей тогда на ум.

Хотя почему бы ей так думать? У нас был такой чудесный вечер. А бабушка была просто великолепна. Мы то и дело хохотали над ее шутками, и Каролина тоже. Она смотрела на бабушку с непритворной радостью. Но разве можно было смотреть на нее иначе? Даже Свея перестала метать недовольные взгляды.

Надя уходила спать раньше нас, и Каролина пошла вместе с ней, чтобы проводить ее.

Я ждала, что Каролина вернется, но она так и не пришла. Мама уверяла, что Каролина пожелала всем перед уходом доброй ночи, но ни я, ни Роланд этого не слышали.

Я заметила, что Роланд разволновался, когда она не вернулась. Он все время поглядывал на дверь и в конце концов встал и ушел. Я решила, что он пошел наверх, чтобы попытаться вернуть Каролину. Но через минуту он возвратился один.

Остаток вечера он просидел с отсутствующим видом, а когда мы стали расходиться, быстро прошептал мне, что Каролина пропала. Ее не было в своей комнате, когда он за ней поднялся. Ее не было нигде в доме. Должно быть, ускользнула через черный ход на кухне сразу после того, как уложила Надю. Никто ничего не заметил. И это тоже было хорошо. «Она, конечно, вернется к утру», – сказал Роланд. Но вид у него был грустный и разочарованный. Он не представлял, что Каролине делать на улице. В Рождество!

Я ничего не ответила. Но, конечно, тут же подумала про парня, которого видела недавно в городе. Он был настолько похож на Каролину, что мог оказаться ее братом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В двенадцать часов все ушли спать. Свет в доме погас, и наступила тишина.

Я волновалась за Каролину.

Свея собиралась пойти на рождественскую заутреню в шесть часов. Значит, она встанет после пяти. Каролина этого, наверное, не знала. Она обычно не интересовалась такими вещами.

Время шло.

Я не могла заснуть и лежала, прислушиваясь, не открывается ли дверь и не скрипят ли ступеньки лестницы. Мне нужно было услышать, как Каролина вернется, и предупредить ее. До сих пор ей просто везло, когда она убегала по ночам. Конечно, Свея подозревала ее, но не могла ничего доказать. Нетрудно догадаться, что произойдет, если она узнает, что Каролина не осталась дома даже в рождественскую ночь.

Сна не было ни в одном глазу, я вздрагивала от малейшего шороха. Мне все время чудились странные звуки, словно кто-то отпирал дверь и крадучись шел по лестнице. Я приоткрыла дверь своей комнаты, чтобы увидеть, как Каролина будет возвращаться к себе.

Вот уже четыре часа. Скоро половина пятого. Мои маленькие часы висели на цепочке рядом с кроватью и тикали. Минуты шли. Каролина не появлялась.

В пять зазвонил будильник у Свеи. Обычно я даже не слышала его, но тут подскочила на кровати. Мне казалось, что он грохочет. Сразу после этого Свея начала возиться на кухне. Беда приближалась. Если Каролина вернется сейчас, все пропало. Я до смерти разволновалась.

Неужели я ничего не могу сделать?

Но если Каролина увидит в кухне свет, может, она догадается, что ей не стоит идти через черный ход? Да, конечно. На это можно рассчитывать. Каролина – не дурочка. Возможно, тогда беды удастся избежать.

Я выскользнула из постели и спустилась по лестнице в прихожую. Буду сидеть здесь в темноте и ждать Каролину. Как только она вернется, спрячу ее, пока Свея не уйдет.

В прихожей стоял небольшой гардероб. Я осторожно приоткрыла его дверцу, чтобы все было готово к приходу Каролины. Из гардероба повеяло холодом. Я стояла босая, в одной ночной рубашке и начала мерзнуть.

Огонь в камине уже погас. Но в прихожей висела папина шуба. Я шмыгнула туда, поджав ноги, села на галошницу, закуталась в шубу. И стала ждать.

Вдруг Свея вышла из кухни. Я услышала, как она ходит рядом, в испуге метнулась в ледяной гардероб и прикрыла за собой дверцу. Через мгновение Свея прошла мимо и даже задела дверцу гардероба. Я крепче ухватила замок, чтобы он не выскользнул из руки. Если Свея заметит, что дверца не закрыта, а только прикрыта, она повернет в замке ключ и запрет меня.

Свея выгребла из камина золу, положила уголь и разожгла огонь. Она не торопилась. Мне было безумно страшно. Пальцы, державшие замок, заоченели. Я их уже не чувствовала. Я была готова в любую минуту выпустить замок. Дверца откроется, и тогда... Что же я тогда скажу? Как мне объяснить, что я здесь делаю? К тому же с минуты на минуту может вернуться Каролина. Ничего не подозревая, конечно.

Вот Свея наконец закончила с камином. Но что же она там еще делает? Почему не уходит? Я слышу, как она тяжело ступает и возится с чем-то. Поправляет одежду на вешалке, зонтики в подставке и шляпы на полке. Неужели она никогда не уйдет!

Вот наконец Свезя ушла. Я перевела дух, но все еще боялась пошевелиться. И тем более выйти из гардероба. Я не знала, в какую дверь Свезя будет выходить, когда отправится в церковь. До смерти напуганная и замерзшая, – я стояла в гардеробе, вцепившись в замок.

Никак нельзя, чтобы, после того как я столько здесь просидела, Свезя обнаружила меня в последнюю минуту. Только из-за моей небрежности.

Я ждала и прислушивалась. Свезя прохаживалась туда-сюда между буфетной и кухней. Когда же эта женщина наконец уйдет?!

Вот она снова вернулась в прихожую посмотреть, горит ли камин. Я поняла, что она спешит. Наверное, ей было уже пора идти к заутрене. Мимоходом она задела дверцу гардероба, та хлопнула, и мое сердце ушло в пятки.

Свезя сделала шаг назад, проверила дверцу, решительно повернула в замке ключ и ушла восвояси. Меня заперли. То, чего я так боялась, произошло.

И вот я стояла в гардеробе. Босиком. В тоненькой ночной рубашке. Шкаф был треугольным и тесным. Темным, хоть глаз выколи. Ледяным. На полу валялись принадлежности для крокета: молотки, дужки и шары, на которые я то и дело ставила замерзшие ноги. По стенам на гвоздях и крючках висели плащи и летняя одежда. Ничего, во что можно было бы закутаться. Я думала, что замерзну насмерть.

Свезя ушла.

Весь дом спал.

Что я могла сделать?

Замок изнутри не открывался. К тому же окоченевшие пальцы не слушались. Я стала ощупывать все вокруг, но натыкалась лишь на деревянные стенки и гвозди. Я не могла даже сесть, только стоять. Гардероб был тесным и темным, словно могила. Я чувствовала себя так, будто меня похоронили заживо.

Вот пробили напольные часы в гостиной – шесть раз. Каролины все еще нет. Но у меня уже не осталось сил волноваться. Худшее, что может теперь случиться, – если Свезя встретит Каролину на улице. Но что я могла с этим поделать?

Я перестала об этом думать. Прислонилась к стене, чувствуя, что вот-вот потеряю сознание. Не знаю, сколько прошло времени, но вдруг я услышала, как кто-то поворачивает ключ в замке парадной двери.

Моим первым желанием было броситься на дверцу гардероба, колотить по ней и кричать. Но я сдержалась. Я не была уверена, что это пришла Каролина. Ведь я не знала, который час. Это могла быть Свезя, вернувшаяся из церкви. Прошло не больше часа.

Кто-то прошел в прихожую. Я прислушалась к шагам.

Нет, это не могла быть Свезя. У нее тяжелая походка. К тому же у нее нет причин красться, а эти шаги были крадущимися. Неожиданно они стихли. Наверное, Каролина сияла ботинки, чтобы тайком подняться по лестнице.

Тут я осторожно постучала в дверцу. В ответ – ни звука. Я постучала снова и тихо проговорила:

– Каролина, это я.

Снова тишина.

– Помоги мне! Меня заперли.

И тут я услышала ее голос. Она склонилась к дверце и прошептала в щелку:

– Я открою тебя. Но обещай, что дашь мне убежать, прежде чем выйдешь из гардероба. Обещай!

Я не понимала, что она имела в виду, но главное – я смогу выйти. Я пообещала.

– Тогда я отпираю замок.

Она быстро повернула ключ, и я услышала, как она бежит по лестнице без ботинок, но разглядеть ее не успела. Окоченевшая, я вывалилась из шкафа. И побежала вверх, в

свою комнату. В это время я слышала, как Каролина поднималась по чердачной лестнице. Странно... Почему она хотела убежать прежде, чем я выйду? Это как-то глупо. Может, чтобы избежать вопросов о том, где она была?

Часы показывали почти половину седьмого. Во всяком случае, теперь она уже дома. Это главное. Я забралась под одеяло и долго еще дрожала, пока наконец не согрелась и не заснула. Проснулась только в начале десятого. В доме было тихо, и казалось, что никто еще не поднялся. Я попыталась снова заснуть, но не смогла; тогда я встала и оделась.

Внизу, в столовой, уже накрыли завтрак, но никого не было. В полумраке гостиной у окна потрескивала маленькая керосиновая лампа, и все еще пахло гиацинтами и сургучом от рождественских подарков.

Я хотела пойти в библиотеку посмотреть, какие книги достались на Рождество маме и папе – я знала, что их оставили там, но не успела посмотреть их вчера, – как вдруг меня остановил донесшийся оттуда шепот. В библиотеке горел свет и шептались двое.

Одной из них была бабушка, голос другого я не узнала. Может, это папа? Или мама? Я уже хотела раздвинуть портьеры и зайти, как заметила бабушку. Она стояла у окна спиной ко мне. В комнате был полумрак. На столе горела всего пара свечей. Вдруг бабушка повернулась и направилась к кому-то, кого я не видела, раскрыв объятия.

– Не думай, что я не понимаю. Слышишь, дорогая детка... – прошептала она.

Мне показалось, что в глазах у нее блестели слезы, и я поспешно задернула портьеры. Идти туда сейчас было ни к чему. Да мне и расхотелось. Бабушка и слезы – это что-то несовместимое. Увидев ее такой, я смутилась и задумалась.

Я вернулась в столовую, где столкнулась со Свеей.

– Ах, Берта, вы уже проснулись? Хорошо! Завтрак подан. Или вы желаете дожидаться остальных? Не знаю, куда это все запропастились, – сказала она и ушла на кухню.

Я осталась, сама не знаю почему. Но мне не хотелось уходить из столовой. Здесь тепло, горели свечи и накрыт праздничный стол.

Свея вернулась, неся горячую, дымящуюся рисовую кашу. Она взглянула на меня.

– Вы еще не позвали остальных? Кого-нибудь ждете?

– Нет, я только подумала... А где Каролина?

– Думаю, она застилает постели. Мы уже поели кашу. Ведь нам приходится вставать чуть свет и приниматься за работу – мы должны завтракать рано. Берта, скажите, пожалуйста, всем, что завтрак подан.

Я быстро вышла. Труднее всего всегда было разбудить Роланда, поэтому я решила начать с него. Я вооружилась стаканом холодной воды, это помогало. Если пригрозить капнуть ему на спину, он тут же вскочит. Но на сей раз это не понадобилось. Роланд уже встал. И даже вполне проснулся.

– Каролина вернулась! – закричал он, едва завидев меня.

– Я знаю.

– А ты знаешь когда?

Роланд посмотрел на меня, но я опустила глаза и покачала головой. У меня не было никакого желания рассказывать ему, что произошло утром, и, когда он сообщил мне, что слышал, как кто-то ходил по дому около пяти часов, я ничего не сказала. Это, конечно, была Свея, но какая теперь разница?

– Каша на столе, – только и сказала я, – тебе лучше поторопиться.

Когда я вернулась в столовую, вся семья уже была там. Каролина обходила всех, разливая чай в чашки. Наверное, она понимала, что это из-за нее меня заперли в гардеробе. Но не показывала виду и даже ни разу на меня не взглянула. Однако с улыбкой смотрела на Роланда, лицо которого тут же засияло блаженством.

После обеда бабушка собралась уезжать. Мы пытались уговорить ее остаться на все праздники, или хотя бы еще надень, но напрасно. Если она сказала, что будет с нами на Рождество, это значит только на Рождество и ни днем позже.

Мы с папой провожали ее к поезду. На вокзале я оказалась на пару минут с ней наедине. Папа встретил коллегу-учителя из школы, которому он хотел сказать пару слов.

Бабушка смотрела на меня. У нее был серьезный взгляд. И вдруг она раскрыла руки точно так же, как я видела утром в библиотеке, чтобы обнять меня:

– Дорогая детка...

И те же самые слова. Но теперь она говорила их мне. Я бросилась в ее объятия, и она крепко прижала меня к себе. Не знаю почему, но вдруг мне пришло в голову, что там, в библиотеке, бабушка могла шептаться с Каролиной.

Я увидела, что папа прощался со своим приятелем. Мне надо было спешить.

– Бабушка!

– Да, детка?

– Вы давно знаете Каролину?

– Довольно давно. А что?

– Вы не знаете, почему она не рассказывает нам о своем брате?

– Что ты имеешь в виду?

Бабушка пристально смотрела на меня. Меж бровей у нее появилась морщинка. Она сердится на меня? Нет, ей не на что сердиться. Я смотрела на нее в упор.

— Я говорю о брате Каролины. Почему она никогда не говорила, что у нее есть брат?

Бабушка покачала головой и удивленно ответила:

– Я не понимаю ...

– И я тоже. Ведь Каролина никогда ничего не скрывает от нас.

Бабушка сжала мою руку и хотела что-то сказать, но тут подошел папа. Они заговорили о чем-то другом, но морщинка меж бабушкиных бровей так и не исчезла. Даже когда она стояла у окна купе и махала нам рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.